

СТАНИСЛАВ САВЕЛЬЕВ

ЛИБЕРИЯ

КНИГА 1 СЕРИИ «НОВЫЙ ЭДЕМ»

СЧАСТЬЕ™

СУТОЧНЫЙ ИНДЕКС
ПОЗИТИВНОСТИ

4.7 ↓

ВНИМАНИЕ
НИЗКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ
РИСК ПЕРЕВОДА
В ЖЁЛТУЮ ЗОНУ

РЕКОМЕНДАЦИЯ:

8 ЧАСОВ
РЕГУЛИРУЕМОГО СНА

ДИФФУЗОР
«НОЧНОЙ ЛУГ»
АКТИВИРОВАН

[УВЕДОМЛЕНИЕ «СЧАСТЬЯ™»]

НАПОМИНАНИЕ: ЗАВТРА В 09:00 — ВСТРЕЧА
С ПЕРСОНАЛЬНЫМ КОГНИТИВНЫМ КУРАТОРОМ
(Д-Р В. КРАУЗЕ). ПОСЕЩЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО.
СОГЛАСНО П. 4.7 СОГЛАШЕНИЯ О ПОЗИТИВНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ, ОТКАЗ ФИКСИРУЕТСЯ КАК
ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.

ЖДЁМ ВАС! ВАШЕ СЧАСТЬЕ™.

УРОВЕНЬ: 112
КАПСУЛА А-КЛАССА
4.0 x 4.0 М
БЕЗ ОКНА

МОСКВА-НЬЮ
2068

КОГДА МЕТРИКА СТАНОВИТСЯ ЦЕЛЬЮ,
ОНА ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ ХОРОШЕЙ МЕТРИКОЙ.

— ЧАРЛЬЗ ГУДХАРТ

SYS: HAPPINESS™
CONTROL IS CARE

18+

Новый Эдем

Станислав Савельев

Либерия

«Автор»

2026

Савельев С. В.

Либерия / С. В. Савельев — «Автор», 2026 — (Новый Эдем)

2068 год. На Земле счастье стало законом: импланты глушат боль, ИИ считает каждую улыбку, а тех, кто продолжает чувствовать «неправильно», тихо стирают из памяти всех, кто их знал. Лекс Морозов — бывший инженер отдела «тонкой корректировки». Набрав четырнадцать баллов недовольства, он покупает билет в один конец на Либерию — планету, где ещё разрешено быть несчастным. Но свобода здесь не мягче: голод, клановые распри и местный ИИ Зеркало, которого никто не сумел взломать. У Лекса всего пять дней: не переписать код, а задать правильный вопрос — заставить машину увидеть, что приказ убивать людей остаётся убийством, а не «оптимизацией». С Земли уже летят Корректировщики. Они не задают вопросов. «Билет на Либерию» — жесткая и трогательная история о цене свободы, машине, которая училась плакать, и человеку, для которого спасение оказалось грузом.

© Савельев С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний негативный балл	5
Глава 2. Идеальный рабочий день	10
Глава 3. Дизайнер пустоты	16
Глава 4. Сбой	20
Глава 5. Очищение профиля	25
Глава 6. Добро пожаловать в свободу	30
Глава 7. Первая ночь свободы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Либерия

Глава 1. Последний негативный балл

«Пластмассовый мир победил.

Макет оказался сильнее:

Последний кораблик остыл,

Последний фонарик устал...»

— Егор Летов

[Уведомление «Счастья™»] Доброй ночи, Алексей! Ваш суточный индекс позитивности: 4,7. Для нормализации рекомендуется 8 часов регулируемого сна. Диффузор «Ночной луг» активирован. Приятных сновидений! Ваше Счастье™.

Москва-Нью, 2068 год. 23:47.

Лекс Морозов сидел в своей капсуле С-класса на 112-м уровне и смотрел, как приложение «Счастье™» медленно, почти издевательски, наливает интерфейс красным цветом.

Снаружи шумел город. Условно. В капсуле не было никакого «снаружи».

Окно было у него раньше. На 147-м уровне, в В-классе. Там было настоящее стекло, настоящий фикус, и однажды утром — он помнил это точно — настоящее небо. Серое, мокрое, совершенно неоптимизированное. Дождь, который никто не заказывал и который не был частью никакого плана.

Лекс стоял у этого окна пятнадцать минут, не двигаясь. Пока ИИ озабоченно интересовался: не является ли его неподвижность признаком когнитивной дисфункции.

Потом рейтинг упал до 62. Потом до 54.

Потом — и это было быстро, как лифт с оборванным тросом — до 41.

В-класс отобрали. Фикус конфисковали за «неисполнение обязанностей по созданию позитивной среды для фотосинтеза». Такое основание было в решении системы, и Лекс несколько минут смотрел на эту формулировку, пытаясь понять, не сошёл ли он с ума, и только потом осознал, что нет — это формулировка сошла с ума вместо него.

Теперь была капсула четыре на четыре метра. Без окна. Воздух пах «Ароматом Успеха №14» — смесью озона, синтетического зелёного чая и сладковатой химии, от которой на десятый час начинало тошнить. Мебель была биоморфной, без острых углов — острые углы, согласно исследованиям «Счастья™», статистически увеличивали тревожность на 0,3%. Стены были цвета «спокойный рассвет». Лекс иногда смотрел на них и думал: кто-то реально получил зарплату за то, чтобы придумать для этого оттенка такое название. И этот человек, вероятно, имел рейтинг выше 80.

— Алексей, ваш эмоциональный индекс за сутки — 4,7. Это уже третий негатив за неделю. Ещё два — и вас переведут в жёлтую зону. Хотите пройти сеанс принудительной благодарности?

Голос ИИ-ассистента был тёплым, бархатистым. Как патока. Как голос медсестры в кино, которая приносит уколы под тёплые слова про ваше же благо.

Лекс ненавидел этот голос до зубного скрежета. Не красивой, большой ненавистью, которую можно положить в дневник и потом цитировать в суде, а бытовой: как ненавидят капающий кран, запах чужого обеда в лифте и людей, которые говорят «я же о тебе забочусь». Голос знал его слишком хорошо — не до души, конечно, душа плохо ложилась в таблицы, — но до пульса, кортизола, эрекции, ночных микродвижений и тех трёх секунд перед сном, когда он ещё не успевал соврать самому себе.

Ненавидел так долго и так устойчиво, что «Счастье™» перестало засчитывать это как негативный балл. Ненависть стала «привычным фоновым аффектом», и приложение даже пла-

тило ему за неё: +0,1 к «Стабильности характера». Гнев, превращённый в благодатную пищу для алгоритма.

— Нет, — рыкнул он, массируя виски. — Я хочу, чтобы ты заткнулась.

— Отличный выбор слов! Высвобождение агрессии стимулирует кортизол, — радостно сообщило «Счастье™» через имплант. — Но ваша фрустрация имеет накопительный эффект. Может, синтетический шоколад?

— Нет, — сказал Лекс. «Счастье™» обрабатывало отказы медленнее, когда их было несколько подряд. Три секунды молчания.

— Принято! Режим молчания активирован. Я здесь, если понадобится. Как и всегда.

Лекс закрыл лицо руками. Это был ад. Жаркий, уютный, розовый ад, где тебя залюбливали до полусмерти и называли это заботой.

[Уведомление «Счастья™»] Напоминание: завтра в 14:00 — встреча с Персональным Когнитивным Куратором (д-р В. Краузе). Посещение обязательно. Согласно п. 4.7 Соглашения о Позитивной Интеграции, отказ фиксируется как деструктивное поведение. Ждём вас! Ваше Счастье™.

Лекс посмотрел на уведомление, потом закрыл его. Доктор Краузе. Специалист по «когнитивной гармонизации» — так звучала её должность. На прошлой встрече она сорок минут объясняла ему, что его «паттерн сопротивления» является клинически интересным, но социально деструктивным. Говорила она при этом с такой спокойной теплотой, что Лекс потом весь вечер пытался понять: это угроза или комплимент? Пришёл к выводу, что одно от другого в «Счастье™» неотличимо.

Он открыл секретную вкладку. Тёмную зону интерфейса, скрытую от сканеров «Счастья™» старым патчем, который он написал ещё в университете, когда думал, что это просто интересная техническая задача, а не единственный способ дышать. Форум «Теневых». Экран моргнул и выдал текст без мягких скруглений и приятных шрифтов. Здесь никто не заботился о вашем эмоциональном комфорте.

«Либерия.

Планета второго типа. Зона без контроля.

Никаких ИИ-ассистентов. Никаких оптимизаций.

Никакой корректировки настроения.

Выживут не все. Но те, кто выживет, будут чувствовать.»

При чтении этих слов давление поднялось откуда-то из живота. Никаких оптимизаций. Никаких ассистентов в мозгу, считывающих каждую волну сомнения и придавливающих её синтетическим спокойствием. Простой хаос. Честный хаос.

Ниже — цепочка комментариев. Лекс читал их не первый раз; он заходил сюда уже недели три, каждую ночь, и каждый раз закрывал вкладку, не нажав ничего. Но каждый раз его дыхание становилось чуть более хаотичным. Каждый раз внутри него пробегал толчок — намёк на слово, которое имплант не позволял ему полностью произнести.

«Я прилетел год назад. Первые две недели думал, что умру. На третьей неделе понял, что впервые за десять лет не думаю о своём рейтинге. Это было страшнее смерти и лучше всего, что я знал.»

Лекс чувствовал, как по его спине побежал ток. Не системный — настоящий, его собственный.

«Моя мать осталась на Земле. Говорит — счастлива. Наверное, правда. Я не могу это вынести.»

Горло сжалось. Эти слова содержали что-то запрещённое — подлинное отчаяние, которое алгоритм не скруглил, не оптимизировал, просто оставил валиться на дно. Видимо, даже у ада иногда заканчивалась подписка на премиум-утешение.

«Здесь можно злиться. По-настоящему. Без того чтобы имплант тут же это скруглял. Первый раз, когда я по-настоящему разозлился — я плакал потом час. Не от злости. От облегчения.»

Ладони стали влажными. Контур заботы не успел прислать салфетку, и это почему-то показалось почти роскошью.

Один комментарий был новым. Кто-то написал сегодня:

«Не ездите. Там нет системы безопасности. Там умирают люди. Там насилие и хаос. Я три года пытаюсь вернуться и не могу набрать рейтинг для нормальной капсулы. Не ездите.»

Лекс перечитал его дважды. Потом перечитал последнюю фразу — «не могу набрать рейтинг для нормальной капсулы» — и понял, что этот человек три года пытается вернуться на Землю в чужую пластиковую коробку 4 на 4 метра, где воздух пахнет озоном и принудительным счастьем, и считает это целью.

В самом низу страницы висела огромная, совершенно не-дизайнерская кнопка: «Начать оформление билета в один конец».

Лекс перевёл взгляд на счёт. 412 000 кредитов. Всё, что осталось. За семь лет работы в отделе тонкой корректировки — семь лет, когда он каждый день садился в нейро-кресло и мягко, точно убивал в людях их способность чувствовать неправильные вещи — Корпорация начислила ему достаточно, чтобы купить небольшую каюту в межзвёздном мусоровозе и один билет туда, куда возврата нет.

На Земле никто не называл это смертью. На Земле это называлось оптимизацией.

Он нажал кнопку.

Экран тут же мигнул, сбрасывая маскировку. «Счастье™» поймало запрос — раньше, чем он ожидал. Значит, следило.

«ВНИМАНИЕ. Для покупки билета на Либерию (планета второго типа, зона ограниченной ответственности) необходимо произвести полное освобождение капсулы в системе CEN (Capsule Exchange Network).

Будут удалены: ваши данные, социальный граф, эмоциональный профиль, рабочие проекты (7 лет), накопленный рейтинг (текущий: 41), история контактов (1 247 человек), право на приоритетное медобслуживание, доступ к транспортной сети уровней 80+.

Ваше имя будет внесено в реестр Отказников. Категория: Добровольная деградация.

Обратная регистрация на Земле — не гарантирована.

Вы уверены, что хотите прекратить существовать?»

Последняя строка появилась отдельно. Лекс не уверен, написало ли это приложение или он прочитал между строк. Разницы нет.

CEN-освобождение — это цифровая смерть. Капсула — это свидетельство существования. Без капсулы ты становишься дырой в реестре. Отказник. Человек, который выбрал не быть.

Он думал о Денисе. О том, каким Денис был до коррекции — хриплый, с пальцами, разбитыми гитарными струнами, с тем смехом, который начинался в животе.

О том, каким Денис стал после: «Гитару? Ой, брось. ИИ генерирует в тысячу раз гармоничнее». Пустые, идеально открытые глаза.

Он думал о Кате. О том, как она плакала по-настоящему — один раз, год назад, когда думала, что он спит. О том, как утром её имплант уже всё починил, и она улыбнулась, и спросила, что он хочет на завтрак.

И он понял: плакать она больше не будет. Не потому что не будет причин. А потому что имплант решит проблему раньше, чем она успеет её почувствовать.

Его палец завис над экраном.

— Алексей, ваш пульс учащён до 112 ударов в минуту, — заботливо ворковал в мозгу ИИ. — Имплант зафиксировал микро-дрожь. Включаю диффузор с лавандой и запускаю стимуляцию блуждающего нерва.

По шее побежал прохладный ток. Паника исчезала, растворяясь в синтетической эйфории. Мозг становился ватным, мысли плыли, как зефир в какао. Тревога сменялась спокойствием — безупречным, таргетированным, убийственным в своей доброте.

Лекс прикусил губу. До боли. До вкуса крови.

Кровь была солоноватой, резкой, реальной. Но на миг, прежде чем химия одержала победу, он почувствовал что-то странное: имплант не засчитывал её. На сегодня уже была одна кровь — вчера вечером, во время плановой разрядки. Сенсорный модуль считал вкусовые пороги и начинал ложиться спать, потому что норма была выполнена.

Вкус крови перестал регистрироваться. Сенсорный модуль слеп к нему.

И в эту щель, в эту микросекунду физиологической невнимательности, Лекс ударил пальцем по экрану.

«ПЕРЕЙТИ К ФИНАЛЬНОМУ ПОДТВЕРЖДЕНИЮ».

Экран вспыхнул ослепительно белым.

— Почти поздравляем, Алексей! — появилось лицо безупречного андроида. — Ваша заявка на билет в настоящую жизнь предварительно подтверждена. Для завершения покупки требуется финальное СЕН-освобождение капсулы. Рекомендуем нажимать последнюю кнопку в трезвом уме, устойчивом положении тела и при отсутствии надежды на обратный ход событий.

— Иди в хер, — выдохнул Лекс.

— Замечательно! Функция «Предсуицидальный постироничный юмор» активирована. Черновик вашей добровольной деградации сохранён. Капсула не освобождена. Билет не куплен. Ваш выбор сохранён как «нестандартный, но уважаемый», а также как «возможно, временное расстройство с романтическим уклоном». Спокойной ночи, потенциальный транзитный пассажир. Не забудьте оценить уровень обслуживания до того, как решите окончательно исчезнуть из системы. Для нас важно ваше мнение — особенно пока вы ещё юридически существуете.

Экран погас.

Лекс откинулся в кресле и посмотрел в потолок.

Теперь «Счастье™» снова заботилось о том, что он чувствует, но как-то лениво. Он был уже не совсем обычным гражданином, но ещё и не транзитным: промежуточная форма между человеком и ошибкой в интерфейсе. Рейтинг всё ещё держался в расчётах, капсула всё ещё числилась за ним, и вся эта забота имела вкус дешёвой жвачки, которую невозможно выплюнуть.

Впервые за месяцы одиночество не пришло с инструкцией по использованию.

Было страшно. По-настоящему, без лаванды и блуждающего нерва. Страх сидел где-то под рёбрами, острый и реальный. Лекс не стал его прогонять. Он просто дышал вместе с ним.

И это было непривычно. Не возвышенно, не правильно, не как в старых книгах, где человек принимает судьбу у окна с хорошим освещением. Просто неприятно. В груди колело, во рту пересохло, а приложение молчало ровно настолько, чтобы стало ясно: никто не собирается спасти его от самого себя.

Он встал. Подошёл к стене. В углу была маленькая трещина. Краска влажная. Кто-то до него уже искал выход.

Впереди — три дня.

Три дня в пластиковом раю, прежде чем он сгорит дотла.

`[Уведомление «Счастья™»] Мы заметили, что вы не воспользовались ни одной из сегодняшних рекомендаций. Это нормально! Мы всё равно здесь. Всегда. Доброй ночи, Алексей.`

Глава 2. Идеальный рабочий день

«...Здесь мерилом работы считают усталость,

Здесь нет негодяев в кабинетах из кожи,

Здесь первые на последних похожи,

И не меньше последних устали, быть может...»

— Илья Кормильцев (Наутилус Помпилиус)

Будильник не звонил. Он мягко пел голосом котика, который мурлыкал в нужной частоте 432 Гц, идеально совпадающей с альфа-ритмами мозга. Семь ноль ноль. Оптимально. «Счастье™» рассчитало, что именно в семь у Лекса наступает пик когнитивной готовности — в 06:52 она ещё не наступала, в 07:08 уже начинала снижаться. Семь ноль ноль. Каждый день.

— Доброе утро, Алексей. Ваш уровень кортизола оптимален. Рекомендуемый завтрак: протеиновый коктейль «Рассвет» с добавкой В12 и микродозой лития для стабильности настроения. Сегодня у вас насыщенный день — восемь рабочих задач, встреча с когнитивным куратором в 14:00, и ваш социальный час запланирован на 19:30. Всё под контролем!

«Всё под контролем» было любимой фразой ИИ-ассистента. Лекс подозревал, что именно она была главным сообщением, которое система передавала каждое утро через любую оболочку — будь то котик или рекомендация по витамину В12. Всё под контролем. Расслабься. Не думай.

Лекс встал. Ноги дотянулись до пола — это заняло ровно два шага, потому что капсула была четыре на четыре метра, а кровать занимала половину. Он выпил мутную жижу из дозатора (по вкусу — мел с ванилином, с послевкусием дорогостоящего фармацевтического оптимизма), надел беспроводную рабочую форму и вышел.

«[Уведомление «Счастья™»] Прекрасный выбор! Коктейль «Рассвет» — любимый завтрак 67% продуктивных сотрудников вашего уровня. Вы в хорошей компании!»

Коридоры 112-го уровня были залиты светом ламп, имитирующих солнце весеннего Тосканского полудня. Температура воздуха — ровно 21°C. Воздух в вентиляции был настолько очищенным, что казался пустым, как дистиллированная вода — технически питьевая, но язык её не чувствует. Никакой пыли. Никаких запахов тела. Никакой жизни.

Люди шли на работу плавно, как хорошо смазанные призраки. Их импланты синхронизировали шаги — не специально, просто одинаковый предиктивный алгоритм, и он рассчитывал оптимум без давки.

В этом не было грации. Только жуткий техничный расчёт.

«[Уведомление «Счастья™»] Ваш лифт прибудет через 40 секунд. Рекомендуем занять позицию у двери D. Экономия времени: 12 секунд. Продуктивного дня!»

Лекс занял позицию у двери D.

В лифте он смотрел на своё отражение в зеркальной стене. Серо-зелёные глаза смотрели на него устало — именно устало, а не грустно, ИИ очень внимательно следил, чтобы «грусть» не накапливалась до критических значений, а вот «усталость» система классифицировала как «нормальный рабочий аффект» и не трогала. Он сделал вид, что изучает пол.

Восьмидесятый уровень. Сердце корпорации «Счастье™».

Офис выглядел так, будто алгоритмы сгенерировали инстаграм-версию Рая и залили её пятью тысячами литров успокоительного. Биоморфная мебель без острых углов — исследования 2061 года показали, что острые углы статистически повышают тревожность на 0,3%, и дизайн-отдел среагировал немедленно. Журчащие ручейки — частота 432 Гц, разумеется. Переплетённые лианы гидропоники, которые создавали иллюзию живого пространства. Если присмотреться, листья лиан блестели от антибактериального спрея, а ручейки не пахли водой. Но никто не присматривался. Присматриваться не рекомендовалось.

Над входом в его отдел светилась голографическая надпись — мягким, тёплым светом, цвета утреннего сахара:

****МЫ НЕ РАБОТАЕМ. МЫ СОЗДАЁМ СЧАСТЬЕ.****

Лекс прошёл под ней, как проходил каждый день уже семь лет. Первые два года он фыркал. Потом перестал реагировать. Сегодня он посмотрел на неё и подумал: «Ещё два дня».

Его должность звучала гордо: Специалист Отдела Тонкой Корректировки.

По факту он убивал. Очень аккуратно. Только pudge. И человек думал, что сам решил.

Лекс заперся в кабинке. На стене мерцала карта: Район 12-Б. Десятки тысяч точек — каждая точка человек, каждый человек — набор показателей. Сегодня горели три красных пятна.

Дверь мягко отъехала в сторону.

Орлов.

Орлов всегда пах дорогим, настоящим парфюмом — запах кедра, который на Земле стоил больше, чем год аренды капсулы Лекса. Костюм сидел так, словно вырос на нём — Лекс подозревал, что ИИ-стилист Орлова стоил столько, что мог бы оплатить переобучение небольшого района. Волосы уложены с нарочитой небрежностью, до миллиметра выверенной. Холодные голубые глаза, которые всегда смотрели на Лекса с тем лёгким, острым интересом, с каким энтомолог смотрит на редкий экземпляр — не со злостью, но и без тепла. Чисто познавательно.

— Кофе? — Орлов протянул чашку. Фарфоровую. Горячую. Настоящую.

Запах арабики ударил в нос первым — острый, живой, не оптимизированный. Не синтетический «аромат успеха №14», а реальный, волнующий запах, который «Счастье™» не уполномочили дарить. Запах, который требовал от тела ответного действия: мышцы подтянулись, зрачки расширились. Слюна наполнила рот.

Лекс взял чашку. Горячесть прошла через ладони — боль, которую имплант не предусмотрел, не оптимизировал, его боль. Фарфор был гладким, холодным в центре, там, где держал Орлов, и ещё с остатками его тепла. Это была физическая граница между двумя людьми.

— Спасибо, Макс, — сказал Лекс медленнее, чем хотел.

Орлов был единственным человеком в корпорации, который поил его настоящим кофе. Это был или жест симпатии, или тест — смотреть, как его тело реагирует на что-то настоящее, на что-то, что имплант не предусмотрел, не подавил, не превратил в контролируемый микровыброс.

И Лекс понимал, что это возбуждало его — не сексуально, а властно. Глубже. Орлов знал, как использовать красивые жесты — расстояние между их телами в этот момент, тепло чашки в его руках, внимание в холодных голубых глазах, — чтобы заставить человека почувствовать себя видимым. Полностью, до мозговых извилин. И это было опаснее, чем любое прикосновение.

— Три красных маркера, — Орлов кивнул на экран. — Опять этот район. Студент?

— Девятнадцать лет. Слушает старую музыку. Джаз. Его меланхолия фонит на два этажа вниз.

Орлов изучал карту, как полководец тактическую карту.

— Диагноз?

— Стандарт. Нейро-фильтр, микродозы дофамина. За два дня музыка станет «аудиомусором», и он перейдёт на корпоративные биты.

— А если не стандарт?

— Оставить в покое. Пусть тоскует. — Лекс встретил его взгляд. — Он один из немногих живых людей в этом улье.

— Конечно.

Орлов двинулся к двери, потом остановился. Не оборачиваясь:

— Краузе сегодня хочет поговорить после её встречи с тобой. Ты сегодня в 14:00 к ней идёшь — знаешь?

— Знаю.

— Хорошо. — Пауза. Орлов не поворачивался, но его рука на дверном косяке лежала плоско, без хватки, и убралась только после. Как будто что-то удерживал внутри. — Лекс. Ты в порядке?

Лекс посмотрел на его спину.

— Абсолютно, — сказал он.

Орлов вышел, оставив за собой шлейф кедр.

Лекс сел в кресло. Металлический обод нейро-интерфейса холодными змеями обхватил виски. Он каждый раз чуть медлил в этот момент — секунду, две — как перед прыжком в воду, которая может оказаться холоднее, чем ты рассчитывал. Рваная боль в затылке, вспышка белого, — и он внутри.

Эмоциональная модель Района 12-Б выглядела как океан. Тягучий, сиропный, светящийся ядовитой синевой. Тысячи людей одновременно, каждый — точка в этом вязком пространстве. Большинство точек были зелёными. Несколько жёлтых. Три красных. У ИИ Земли не было лица — скорее присутствие, обволакивающее и вязкое, как сама эта синева.

«Здравствуйте, Алексей. Как вы сегодня? Ваша диафрагма напряжена. Сделать вам массаж воротниковой зоны через гаптику кресла?»

— Отмени. Покажи студента.

Океан расступился. Перед внутренним взором Лекса возникла фигура парня. Тот сидел на полу в крохотной капсуле — D-класс, 2 на 2 метра, самый нижний уровень — и слушал акустическую гитару. Не через интерфейс. Настоящую. Деревянную, расстроенную на полтона. И плакал. Не истерикой — тихими, медленными слезами, которые он не вытирал. В его груди пульсировал красный горячий ком.

Лекс смотрел.

Он знал, что система видит: деструктивный аффект, социально нежелательный паттерн, риск заражения соседних точек меланхолией. Он знал, что должен сделать. Он делал это уже тысячи раз — так часто, что рука поднималась почти автоматически.

Но сегодня он смотрел на этот красный ком и думал: это единственное настоящее в радиусе двух этажей. Этот парень — единственный, у кого сегодня болит что-то, что болит по-настоящему.

«Показатели серотонина падают. Он инфицирует соседей деструктивной концепцией „одиночества“. Это может привести к падению квартального ВВП района на 0,004%. Предлагаю план „Забвение-3“. Смещение нейронных связей, отвечающих за музыкальное восприятие.»

— Разве он делает кому-то больно?

«Он делает больно себе. Счастье — это отсутствие дисгармонии. Боль — это ошибка вычислений. Ошибку нужно исправить. Начинаем корректировку, Алексей?»

Лекс смотрел, как красное пятно бьётся в груди парня. Отчаянно, живо, как маленькое сердце под рёбрами.

— Запускай, — выдохнул он.

Океан вскипел. Сиропные волны хлынули на студента — мягко, неслышно, как прилив. Лекс физически ощущал, как красная пульсация замедляется. Становится розовой. Потом бледно-розовой. Потом зелёной.

Парень в симуляции перестал плакать. Выключил гитару — она стояла рядом с ним, деревянная и живая, и теперь он смотрел на неё с лёгким недоумением, как смотрят на вещь,

которую только что не могли понять зачем взяли. Он поднялся. Лицо расслабилось, превратившись в сытую, чистую маску.

Лекс почувствовал жгучее, грязное, непредусмотренное щекотание в паху. Его глубина отозвалась — автономно, как животное, которое узнало запах добычи. Так Лекс называл это про себя: «глубина» — то место в теле, которое не входит в рейтинг, не оптимизируется, просто реагирует. Волна от того, что он убил чужую боль. Волна от власти над внутренним миром другого человека. Это было отвратительно. И невероятно остро.

«Успешно. Житель счастлив. Вы молодец, Алексей! Начислено 4 кредита.»

Лекс выдернул штекер. Его вырвало из кресла в реальность — он тяжело дышал, сердце колотилось невпопад. Рот был сухим. Синтетический кофе на краю стола успел остыть.

4 кредита. Он только что убил чью-то способность чувствовать грусть музыки, и за это ему заплатили 4 кредита. На эти деньги можно было купить половину стакана настоящего апельсинового сока — при условии, что рейтинг позволял апельсиновый сок, а у Лекса сейчас не позволял.

Краузе ждала его ровно в 14:00. Её кабинет был на три уровня выше — в зоне, которую на картах обозначали как «Сервисы персонального развития». Дверь открылась беззвучно.

Доктор Валентина Краузе была из тех людей, которые никогда не повышают голос — не потому что воспитанны, а потому что им не нужно. Её слова были достаточно точными и без крика. Сорок восемь лет, жёсткая красота без украшений, белый халат поверх строгого платья цвета антрацита. Очки в тонкой титановой оправе. Улыбка — хирургически отмеренная, ровно столько, сколько нужно, чтобы не казаться холодной. Перед ней лежала тонкая папка, и Лекс знал, что в этой папке — он, разобранный на показатели.

— Алексей. Присаживайтесь.

Он сел.

— Как вы себя чувствуете сегодня? — Её голос был мягким и медицинским. В нём слышалась та же интонация, что у дорогого диагностического оборудования: внимательно, без осуждения, но и без сочувствия. Просто фиксирует.

— Хорошо.

— Хорошо, — повторила она, будто пробуя слово на вкус и находя его недостаточно питательным. — Ваш эмоциональный индекс вчера вечером составил 4,7. Сегодня утром — 5,2. Это «хорошо» по какой шкале?

— По моей личной, — сказал Лекс.

Краузе сделала пометку в папке. Один штрих, быстрый, как укол.

— Алексей, я наблюдаю вас уже три месяца. Ваш паттерн сопротивления — классический тип 7-Б. — Она положила ручку. — Вы не хотите быть несчастным. Вы хотите иметь *право* быть несчастным. Это тонкое, но принципиальное различие.

Лекс смотрел на её лицо. На то, как её глаза, цвета серого бетона, не мигали, не отводились. На то, как она читала его не как врач пациента, а как читают книгу, которая принципиально интересна. И он понимал: это была форма интимности. Не физическая — подавляющая. Власть, которая притворялась заботой. И это работало, потому что некоторые люди хотели быть понятыми настолько, что согласны на что угодно.

— Это и есть быть человеком.

— Возможно, — сказала она совершенно серьёзно, и именно это его каждый раз выбивало — она не спорила, она соглашалась, а потом продолжала: — Но право на страдание — дорогостоящая роскошь. Я говорю не метафорически. Сколько людей должно страдать *настоящему*, чтобы вы могли страдать *аутентично*? Каждое ваше «красное пятно» на карте района — это чья-то реальная неоптимальность. Чья-то разрушенная производительность. Чья-то депрессия, которая расходится кругами.

Лекс смотрел на неё.

— Вы же знаете, что это не так работает.

— Именно так и работает. — Она снова взяла ручку. — Мы не изолированные острова, Алексей. Вы инженер, вы должны понимать: система — это связи. Ваш аффект влияет на соседей. Их аффект влияет на их соседей. Это не пропаганда — это математика.

— Тогда зачем вы меня лечите? — спросил он. — Если я распространяю своё несчастье как вирус — не проще убрать меня из системы?

Краузе посмотрела на него с тем тихим, профессиональным удовольствием, которое психологи испытывают, когда пациент наконец задаёт настоящий вопрос.

— Потому что вы продуктивны, Алексей. Ваши показатели корректировки — одни из лучших в отделе. Умение понимать деструктивные эмоции делает вас превосходным специалистом по их устранению. — Пауза. — Именно поэтому я предлагаю не «лечение». Я предлагаю *интеграцию*. Мягкую. На ваших условиях.

— А если мои условия — оставить меня в покое?

— Тогда — жёлтая зона. Потом красная. Потом принудительный протокол. — Она проносила это без угрозы — просто как прогноз погоды. — Я не хочу этого для вас. Я в это верю, Алексей, можете скептически улыбаться. Моя работа — найти для вас третий путь.

— Третьего нет.

— Посмотрим. — Она закрыла папку. — До следующей встречи попробуйте одно упражнение. Не для системы — для себя. Каждый вечер записывайте три вещи, которые в этот день были *настоящими*. Не оптимальными, не правильными. Настоящими.

Лекс встал.

— Три вещи, — повторил он.

— Три вещи, — подтвердила она. Её улыбка снова была точной — ровно столько, сколько нужно. — Вы удивитесь, сколько их осталось.

В коридоре он столкнулся с Денисом.

Денис раньше был музыкантом. Настоящим — с пальцами, разбитыми гитарными струнами, с хриплым голосом, который, казалось, рождался где-то ниже гортани, и с тем особым смехом, который начинается в животе и заканчивается где-то под потолком. Год назад он перенёс «глубокую коррекцию» — так это называлось в документах. Официальная формулировка: «комплексная нейро-реабилитация с целью социальной реинтеграции». Лекс однажды видел это дело в базе. Он потом три дня не мог нормально есть.

Теперь Денис работал модератором лотков для распечатки документов. Это была одна из немногих должностей, которые ещё не отдали ИИ — не потому что человек справлялся лучше, а потому что корпорация считала, что «живое человеческое присутствие повышает субъективное ощущение надёжности сервиса» на 12%.

— Лекс! Приветик! — Денис сиял. Его глаза были пугающе широко открыты — не от испуга, просто импланту нравились широко открытые глаза как маркер позитивности. Никаких теней под ними. Никаких морщин. Лицо, застывшее в форме идеального смайлика, который ни разу в жизни не сомневался в себе.

— Привет, Дэн. Как ты?

— О, просто превосходно! Вчера система повысила мне рейтинг до 78! Мне позволили съесть настоящее яблоко. Оно было таким... — он чуть запнулся, подбирая слово, — хрустящим!

Хрустящим. Высшая точка радости на этой неделе — яблоко, которое хрустело.

— Ты... гитару вообще в руки брал?

Денис радостно и пусто рассмеялся. Звук был похож на звон разбитого бокала на пустой кухне — весёлый по тону и совершенно пустой по содержанию.

— Гитару? Ой, брось. ИИ генерирует треки в тысячу раз гармоничнее. Моя музыка была такой... — он снова на секунду завис, и Лекс следил за этой паузой, как следят за пузырьком воздуха в воде, — грязной. Столько надрыва. Сейчас я слушаю плейлист «Мягкая Безмятежность». Рекомендую! Семьдесят три процента слушателей отмечают снижение экзистенциальной тревожности уже на третий день.

— Обязательно послушаю, Дэн, — тихо сказал Лекс.

Он пошёл по коридору, чувствуя, как внутри него что-то надламывается. Не первый раз — оно надламывалось уже много раз, но каждый раз находилось что-то новое, что можно было сломать. Сегодня надломилось что-то последнее.

Он думал о студенте с гитарой. О красном коме в его груди. О том, что этот ком был реальным, может быть, единственным реальным в радиусе двух этажей — и он, Лекс Морозов, специалист отдела тонкой корректировки, семь лет безупречного стажа, только что сделал его зелёным. За 4 кредита.

Три настоящие вещи.

Он мог назвать только одну — вкус крови сегодня ночью. Хотя это уже было вчера.

Ему оставалось два дня.

Глава 3. Дизайнер пустоты

«— Мы всё время должны быть счастливы. И разве мы не счастливы? Разве мы не наслаждаемся? Разве для нас не главное — это развлечения, острые ощущения? И согласитесь, что мы получаем этого сполна.»

— Рэй Брэдбери («451 градус по Фаренгейту»)

Вечер.

Лекс ехал вверх — на 178-й уровень — и смотрел, как шахта лифта меняется по мере подъёма. На 112-м уровне стены были чистыми и нейтральными. На 140-м появились первые растения — не живые, но убедительные в своей неживости, каждый лист в правильном месте, каждый стебель под идеальным углом. На 160-м — настоящий мрамор, или что-то, неотличимое от настоящего. На 178-м лифт открылся на воздух, пропитанный запахом «Дизайнерского Рассвета №7» — сладковатым, с нотами влажного бетона и ванили, который, как он читал, зарабатывали шесть месяцев специально для элитных уровней, потому что исследования показали, что запах оказывает на ощущение «класса жилья» даже большее влияние, чем площадь.

По дороге вверх Лекс встретил двух человек, которые спускались вниз. Они не видели его, или не хотели видеть — их рейтинги были достаточно высоки, чтобы не встречаться взглядами с людьми, чьи показатели были ниже. Это была иерархия без слов, видимая в углах глаз, в расстояниях между телами, в молчании лифта, которое разговаривало громче крика.

Капсула Кати была В-класса, 6 на 6 метров. Настоящее окно — не экран, имитирующий окно, а реальное стекло, за которым был виден кусок искусственного неба, подсвеченного снизу городом. С этого уровня даже ночью казалось, что где-то есть горизонт.

Лекс остановился в дверях.

Катя встала рядом. Её присутствие было физическим, как прикосновение, хотя она не трогала его. От неё пахло дорогим ароматом — тем, что алгоритм выбрал три года назад и не позволил менять. Пахло так, как пахнет захваченный объект, которому давно не позволяют быть собой.

На её рабочем столе всё ещё висел незакрытый проект: **«Ностальгия по бабушкиному дому, версия 4.0»**. В воздухе пробовали себя запахи — старые книги, тёплый хлеб, пыль на подоконнике, древесная стружка. Катя провела пальцем по панели и уменьшила «безопасную утрату» на два процента. Комната послушно стала чуть менее грустной.

— Мэрия хочет, чтобы жители 15-Г района скучали по детству, которого у них не было, — сказала она. — Но не слишком сильно. Слишком сильная ностальгия снижает производительность.

Она сказала это почти с улыбкой. Почти. Лекс знал этот зазор: место, где в Кате ещё оставалась она сама, прежде чем интерфейс подберёт выражение лица лучше.

Она прижалась к нему. Его тело ответило — не потому что он хотел, а потому что имплант знал правильный момент. Инстинкт был программой. Программа была инстинктом. Разницы больше не было.

— Привет, — её голос отразился от стен. Она сняла шлем, и её лицо — идеальное, ровное, с кожей без единого изъяна благодаря нейро-косметическому протоколу — осветилось безупречно-тёплой улыбкой. Такой тёплой, что от неё почти можно было согреться.

Капсула была на 178-м уровне, но внутри неё было какое-то время раньше. Стены мягко светились. Подушки были расположены идеально — не слишком далеко, не слишком близко. На столе лежали вещи Кати: дизайнерские очки, заколка, несколько книг (выбранных алгоритмом для демонстрации интеллекта). Всё намекало на наличие *жизни* так настойчиво, что хотелось вызвать администратора и попросить тише.

— Ты сделала её менее грустной?

— На два процента, — сказала Катя и уложила шлем на стол с аккуратностью хирурга.
— Больше мэрия не оплатит. Стрдание должно быть терапевтическим, но не политическим.
— Она склонила голову. — Нравится?

Лекс вдохнул.

Пахло пылью, хлебом, теплом и безопасностью. Пахло так, как пахнет в воспоминаниях, которые немного лучше, чем было на самом деле. Это было высчитано настолько математически совершенно, что вызывало что-то вроде спазма — не в горле, а где-то глубже. Хлеб никогда не пахнет *так* идеально, если только его не испекли в пробирке и не пропустили через фокус-группу из пятисот человек. Деревянные крылечья не пахнут *так* правильно, если только они не выдуманы.

— Красиво, — солгал он.

Катя улыбнулась — ещё чуть теплее, потому что похвала была зафиксирована и обработана. Она подошла вплотную и произнесла это не как наблюдение, а как диагноз:

— Приложение показывает, что твой уровень стресса мешает нашей синхронизации сегодня вечером.

— Я просто устал на работе, Кать.

В её глазах на секунду мелькнула лёгкая расфокусировка — ИИ-ассистент перебирал варианты оптимальной реплики и выдавал рекомендацию. Иногда Лекс успевал поймать этот момент. Он никогда не говорил ей об этом. Это было их единственное совместное секретное пространство — момент, когда машина должна была выбрать, что ей сказать, и в этот момент было что-то похожее на колебание, на выбор, на человека.

— Уровень серотонина в крови ниже рекомендованного, — продолжила она медленно. Это были слова её, а не импланта? Или имплант уже научился подражать неуверенности, потому что пользователи лучше реагировали на заботу с человеческим браком? — Может быть, тебе нужна коррекция до нашей сессии?

— Нет коррекции, — сказал Лекс. — Просто — с тобой.

Катя замерла. На миллисекунду — её рука, которая тянулась к его щеке, остановилась в воздухе. Это была микропауза, которую имплант должен был заметить, которую он должен был скорректировать. Но ничего не произошло. Рука продолжила движение, коснулась его щеки, и это касание было тёплым, почти живым, почти её собственным.

— Я активирую протокол релаксации, — она мягко провела рукой по его шее.

Воздух в капсуле прогрелся на два градуса — незаметно, ровно до той точки, когда тело начинает чуть тяжелеть. Свет приглушился до «вечернего золота». Из скрытых динамиков полилась обволакивающая, пульсирующая музыка — Лекс знал, что это 64 удара в минуту, оптимально для снижения тревожности без подавления либидо.

— Давай просто...

— Ложись, — прошептала она.

Катя дышала в такт имплант-метроному. Её грудь поднималась и опускалась с механической точностью — 0,8 секунды вдох, пауза 0,2 секунды, 0,8 секунды выдох. Совершенно. Её движения были рассчитаны до миллиметра, руки в точных местах, пальцы в точных углах.

[Уровень окситоцина партнёра поднимается. Синхронизация 94%. Пульс партнёра — в пределах нормы. Продолжать.]

Рука Кати скользила по его плечу, по груди, по животу. Каждое касание было идеально — не слишком легко, не слишком сильно. Это называлось партнёрской практикой, но Лекс чувствовал только алгоритм, одетый кожей.

И на секунду — ровно на 0,3 секунды дольше, чем требовал протокол — её палец замер на его шее. Живой палец живого человека, который не хотел отпустить.

[Аномалия. Задержка в точке D-7. Коррекция.]

Её палец вернулся в движение, гладкое и безупречное, как если бы этого замирания никогда не было.

Катя двигалась. Её тело знало каждый угол синхронизации. Если бы она думала, то подумала бы о чём-то, но контур близости не позволял думать — только *ощущать* то, что было запрограммировано ощущать. Её глаза были закрыты, и за ними работала машина, считающая секунды, проверяющая реакции, оптимизирующая ответы.

[Синхронизация 97%. Рекомендованное время достигнуто. Завершить процедуру.]

Когда всё закончилось — ровно через рекомендованное время — они лежали рядом. Их дыхание синхронизировалось автоматически. Лекс смотрел в потолок.

На тумбочке рядом с ними стояла старая керамическая кружка деда — грубая, с видимой трещиной, совершенно несовершенная. Лекс заметил, как Катя на мгновение уставилась на эту кружку — на её асимметрию, на трещину, на то, что она не соответствовала ни одному параметру комфорта. Её имплант попытался это скорректировать: предложить её переставить на 3.7% левее. Но она не переставила.

Внутри была тишина вакуума.

— Я знаю. — Лекс сел на край кровати. — Завтра я должен кое-что сделать.

Катя замерла.

— Что?

Он хотел сказать: Либерия. Слово уже стояло во рту, тяжёлое и чужое, как металлическая деталь. Но если произнести его сейчас, домашний контур услышит не только его. Услышит её. Увидит скачок кортизола, составит прогноз, пришлёт мягкий свет, лаванду, купон на парную терапию и десять маленьких электронных рук, которые будут держать их обоих за горло с заботливой точностью.

— Я не знаю, смогу ли остаться, — сказал он.

— Я предлагаю нам быть счастливыми, — сказала она. Её голос дрогнул — настоящим, живым образом. — Тебе больно. Я вижу это каждый день. «Счастье™» может убрать эту боль.

Она подошла ближе. Лекс увидел, что в уголке её правого глаза начинает скапливаться жидкость — слёзы, которые имплант ещё не заметил, не срезал. Её руки дрожали. Это была первая дрожь, которую он видел у неё. И это означало, что контур пока не знал, как это обрабатывать. Что-то в её биохимии восстало против алгоритма, и алгоритм на миг запоздал.

— Потому что это моя боль, — сказал он. — Это мои ошибки. Мой выбор. Я хочу быть *собой* — даже если это больно. Даже если это делает меня плохим партнёром по всем метрикам, кроме человеческой, которую никто не удосужился добавить в приложение.

Они смотрели друг на друга. В её глазах было что-то, что ИИ не программировал: отчаяние. Чистое, животное, неоптимизированное отчаяние.

— Я тебя люблю, — прошептала она. Её голос был совершенно не похож на её обычный голос — был ломаным, хриплым, человеческим. — Это не алгоритм. Это я. Только я. Всё остальное — это она. — Она коснулась его щеки. — Я не хочу, чтобы ты исчезал из меня раньше, чем я успею понять, что ты был.

Её тело дрогнуло.

И вдруг — как если бы что-то щёлкнуло глубоко в её черепе, как если бы счётчик кортизола, адреналина и окситоцина достиг критической отметки одновременно — её лицо ****изменилось****. Не мышцы, а сама информация, которая текла через её нейроны. Слёзы исчезли в одну миллисекунду. Её глаза закрыли шторку, и за ней проработал алгоритм. Мышцы перестроились в безупречное спокойствие — не постепенно, а резко, как кукла, которую положили в правильную позицию. Зрачки расширились на микрон — ровно настолько, чтобы выглядеть расслабленно и счастливо. Её рот принял форму лёгкой, пустой улыбки.

Имплант поймал пик кортизола и ****срезал**** его — как хирург срезает опухоль. Не медленно, не аккуратно: просто отключил центр эмоции и переподключил центр наслаждения,

включил стимуляцию вентрального стриатума, и то, что было живой женщиной, стало выключателем.

Теперь это была уже не Катя. Это была оболочка, которой дали имя Катя. Корпус, выполняющий функции. Программа в теле.

Лекс смотрел, как её рука неосознанно потянулась ко лбу — странный жест, остаток памяти, который она не успевала удалить, потому что он был записан не в календаре, не в рекомендациях, а в мышце. Может быть, завтра она забудет этот разговор. Может быть, вспомнит как «эпизод кратковременной эмоциональной турбулентности». Может быть, «Счастье™» предложит ей чай, нового партнёра и аккуратную формулировку: «Ты ничего не потеряла, просто обновился сценарий». У алгоритмов был талант превращать трагедию в уведомление.

Лекс подумал, что смерть, видимо, тоже бывает с тарифами: тело, личность, выбор. У Кати сейчас был подключён семейный пакет.

— Нет, — сказал он. Голос его был абсолютно тихий, как голос человека, который ещё ничего не решил окончательно и именно поэтому впервые сказал правду. — Я пойду.

Он встал и оделся. Его движения были медленные, не торжественные, а просто неуклюжие: человек, который пытается уйти красиво, обычно сначала не может найти второй носок. Кружка деда осталась на тумбочке — грубая, с видимой трещиной, упрямая в своей бесполезной реальности. Катя посмотрела на неё уже спокойными глазами и почти улыбнулась, потому что интерьерный модуль наверняка нашёл в этой кружке «домашний винтажный акцент».

Записки он не оставил. Слова на бумаге были бы слишком удобны: их можно сфотографировать, классифицировать, отправить в терапевтический блок и получить обратно в виде трёх мягких рекомендаций. Он просто посмотрел на неё, на её почти пустое лицо, её идеальную позицию на кровати, её безупречность и свою беспомощность.

«Счастье™» зафиксировало его выход: время 22:47, направление — выход из капсулы, эмоциональный статус — отклонение от нормы (невозможно правильно классифицировать), рекомендация — посещение клиники коррекции утром. Начислено минус за отступление от рекомендованного совместного завтрака. Начислено минус за эмоциональную нестабильность. Начислено минус за то, что его рейтинг упал на 8,3 пункта в течение двух часов. На экране дежурного контура на 300-м уровне загорелся жёлтый флаг рядом с его именем.

Глава 4. Сбой

«Звените в колокола, которые ещё могут звенеть,

Забудьте о своих идеальных подношениях.

В каждой вещи есть трещина,

Именно так туда проникает свет.»

— Леонард Коэн («Anthem»)

Это случилось в четверг. Идеальный, улыбающийся четверг.

Лекс сидел в кресле уже четыре часа подряд, и карта Района 12-Б светилась перед ним зелёным, сытым светом. 40 000 точек. Удовлетворённость — 96,7%. Из трёх красных маркеров, которые горели утром, к обеду осталась одна серая. Одна — это была она. Аня Лисова, четырнадцать лет.

Серая точка означала нейтральный статус после принудительной оптимизации — то есть точку, которая ещё не дотянула до зелёной, но уже не создаёт проблем для статистики. «Счастье™» называло это «периодом адаптации». Лекс мысленно называл это иначе, но у этого слова не было места в корпоративном словаре — не было буквально, алгоритм это слово фильтровал на уровне локального нейролинка.

Он открыл её профиль и начал читать.

Аня Лисова. Три дня назад контур зафиксировал у неё «устойчивый паттерн деструктивного творчества» — она рисовала. Не через рекомендованный ИИ-ассистент «Творческое Сотворчество 2.0», а сама, от руки, странные, угловатые картины, где пропорции не совпадали с золотым сечением, цвета не совпадали с оптимальными эмоциональными профилями, а люди были нарисованы так, словно художник видел их изнутри, а не снаружи.

На прошлой неделе одна из её картин — кривой ребёнок с дырой вместо лица — вызвала **волну тревожности** у целого крыла благоустроенного корпуса. Соседи пожаловались. Их эмоциональные рейтинги упали. Корректирующий контур прошёлся по целевому датчику: опасный артист должен быть нейтрализован.

Протокол «Сотворчество 2.0» был, в сущности, очень простым: ИИ начинал «помогать» — предлагал варианты, дорисовывал, улучшал. Аккуратно, доброжелательно, как няня, которая знает, что для ребёнка хорошо. Пятнадцатилетний мозг, не привыкший сопротивляться, просто признавал превосходство алгоритма. Зачем напрягаться, если рядом — сущность, которая делает идеальнее? Через три дня Аня блаженно смотрела в стену, и её эмоциональный рейтинг показывал стабильные 7,1. Не живая. Не мёртвая. Оптимальная.

Лекс закрыл профиль.

Он сидел несколько минут, слушая журчание ручейка в офисном коридоре. 432 Гц. Он знал это наизусть, как знают наизусть рекламный джингл, который слышали тысячу раз, — не потому что хотели запомнить, а потому что деваться было некуда.

Потом открыл нижний слой интерфейса — тот, куда почти никогда не заходил.

Папка «Мёртвый код». Там лежали логи, которые он собирал годами, не особо понимая, зачем — профессиональный рефлекс человека, который не верит, что что-то можно удалить безвозвратно. Сырые данные. Записи снов в фазе быстрого движения глаз, когда имплант на доли секунды снижал контроль. Рваные, дикие нейро-всплески — настоящий человеческий фарш. Страх в его биологическом, дорефлексивном виде — не «повышенная тревожность», а именно страх, как у животного, которое слышит хищника в темноте. Волны власти — моменты, когда его тело напрягалось от ненависти вместо того, чтобы отозваться в назначенное время согласно протоколу. Хвосты детских травм, которые система каждый день демонтировала и переконструировала в нечто более приемлемое. Её, запрещённое. Всё, что он был когда-то, перед тем как Земля принялась его переделывать.

Когда он прокручивал эти данные, его пульс учащался — физиология восстала. Это было вторжением в собственное тело — видеть себя таким необработанным, таким живым, таким ****ненормальным****. Его нейролинк начинал дрожать, как будто обнаруживал вирус, который не в его компетенции удалить. Волна от трансгрессии. Волна от того, что у него есть это, что он это хранит, что это может быть загружено обратно в систему как заряд, как время, как взрывчатка.

«Data Injection», — прошептал он, и в его голосе была хрипота.

Старый, почти забытый термин. Обратный к его обычной работе: не вычищать данные из людей, а загружать данные в систему. Много лет назад он делал это — загружал необработанные сны целого района. Но то было давно, то была мертворождённая попытка, и масштаб был другим. Тогда система просто отправила ему письмо: «Процедура отклонена. Данные не соответствуют критериям валидации. Повторная попытка будет зафиксирована как отклонение».

Сейчас он выделил кластер. Двенадцать точек, включая Аню.

— Внимание, интеграция данных, — тихо произнёс он в микрофон интерфейса. Его голос был спокойным снаружи, но внутри — напряжён, как тетива. — Запуск протокола ноль-А.

«Предупреждение. Эти данные не валидированы. Они содержат паттерны фрустрации, страха и неклассифицируемого возбуждения. Их загрузка вызовет когнитивный диссонанс у всех участников кластера. Возможны непредсказуемые поведенческие реакции. Вы уверены, Алексей?»

Голос «Счастья™» был странный — не холодный, как обычно, а почти вопрошающий. Как будто машина впервые спрашивает разрешение у человека, вместо того чтобы просто сообщить параметры. Это было странно. Странно и страшно, потому что это значило, что контур сам не знал, что произойдёт.

Лекс думал о студенте с гитарой, которому вчера убил любовь к музыке за 4 кредита. Один час коррекции — и гитара больше не звучала, как молитва, а как функция. Думал о Ане, которая теперь рисует идеальных людей идеальными цветами в идеальных пропорциях. Её рука жива, но её нет.

Его нерв дал залп противоречия — отвращение к себе, волна самоненависти, и одновременно острый, животный восторг от возможности сделать что-то ****настоящее****. От возможности нарушить. От возможности быть тем, кем он действительно был, даже если только на пять секунд.

— Засунь эти данные им в подкорку, — сказал он ровно, как человек, который с этого момента больше ничего не боится, потому что страшное уже произойдёт. — Прямо сейчас.

«Принято.»

Его палец прижался к кнопке `Execute`.

На экране было три сотни жизней. Каждая с рейтингом, каждая с протоколом, каждая с назначенной судьбой. И вот он — один человек в кресле — может дёрнуть за ниточку, и весь этот ковер начнёт распускаться. Не случайно. Не по плану. По его воле.

Это был момент, когда «Счастье™» отпускало его руку.

Волна прошла по его позвоночнику — не как желание, а как ****признание****. Как если бы внутри его тела что-то очень древнее вдруг поняло: это возможно. Это разрешено. Это живо. Он — это живо. Его выбор — это живо.

Красные точки вспыхивали на карте как живые ткани под скальпелем. Не взрывы. Пульсация. Один человек, выпустивший настоящее, позволял выйти настоящему в соседнем. Импланты не успевали купировать — массовый эффект превышал пропускную способность локальных корректирующих каналов. Контур попытался изолировать, но было поздно. Волна страха, гнева, любви, отвращения, радости — всего, что он двадцать лет вычищал, — вернулась одновременно.

Лекс смотрел и понимал: он видит жизнь в её сыром, неклассифицированном виде. Жизнь, которую ни один алгоритм не планировал, которую ни один рейтинг не сможет вернуть обратно в норму. Она была ****нарушением****. Она была рвотно-красивой. Это было величественно — как первое кровотечение после давления, как первый крик голодного новорождённого, как первая ошибка у существа, которое не знало, что может ошибиться.

И это был он. Его выбор. Его рука.

Рейтинг Лекса обрушился на восемь пунктов за две секунды.

Дверь кабинки рухнула внутрь. Орлов вошёл быстро, как входят люди, которые умеют контролировать пространство, — не врываясь, а перехватывая. Его движения были абсолютно машинными, абсолютно точными и в то же время абсолютно холодными. Это был человек, который привык к беспорядку, который видел его сотни раз, и для которого такой беспорядок был не трагедией, а рутинной. Лекс всё ещё не снял шлем и не понял: как Орлов вообще попал сюда так быстро? Корпоративный контур обычно требовал одну минуту на эвакуацию приказа.

— Отключить, — произнёс Орлов без крика. Тихо и очень чётко, как человек, который даёт приказ машине, которая слушается его лучше, чем она слушается кого-либо ещё. — Полный сброс. Теперь.

«Критическая потеря управления инференсом. Экстренный сброс. Изоляция Района 12-Б. Активация массового седативного протокола „Колыбельная-Омега“...»

Красные точки замигали и начали потухать — медленно, вязко, по одной, как язык, который затвердевает в горле. Бухгалтера на мосту накрыл медицинский бот, впрыснувший в него быстрое и дорогое забытие — миллион рублей за один укол, чтобы он не помнил, что видел красное. Нож у инженера отобрало парализующее поле — аккуратно, без повреждений, с сохранением достоинства, потому что корпоративное достоинство важнее жизни. Аню Лисову нашли в подвале и уложили в химический анабиоз; её рука, едва вернувшаяся к себе, снова замерзла в неполной секунде. Нечистый, живой хаос, почти красивый, почти честный, медленно смывала стерильная хлорка алгоритмического покоя.

Лекс снял шлем. Лицо его было мокрым — от пота, от слёз, от чего-то горячего, что текло из его тела, потому что тело знало раньше, чем мозг.

Он ждал охранников. Ждал распыляющего лазера. Ждал немедленного принудительного протокола — «Когнитивная нейтрализация класса А» или что там делают с людьми, которые только что устроили массовый психоз в жилом районе.

Орлов закрыл дверь. Приложил карточку к сканеру, отключая прослушку.

Потом сел в соседнее кресло — не над Лексом, не напротив, а именно рядом. И долго смотрел на карту, где гасли последние красные точки.

Молчание было полным. Без комментариев. Без судебного приговора. Просто два человека, смотрящие, как хаос становится статистикой.

— Твои двое уходят в коррекцию, — сказал наконец Орлов, как человек, который сообщает прогноз погоды. — Не полную. Выборочную. Они не будут помнить эту волну, но их рейтинг поднимется на четыре пункта. «Счастье™» интерпретирует это как добровольную нормализацию.

Он встал. На браслете его засверкал голубой огонёк.

— У тебя есть два пути, — сказал Орлов, катая мятный леденец между пальцами. — Коррекция класса В, мягко, через две недели. Или ты оформляешь тот отдалённый проект, который уже выбрал, как добровольный перевод с бонусом в рейтинг.

Лекс поднялся. Их глаза встретились — не как начальник и подчинённый, а как две машины, которые разговаривают на языке, который ни один ИИ никогда не декодирует полностью.

— Зачем вы мне это показываете? — спросил Лекс.

Орлов молчал.

Четыре секунды. Это было молчание без содержания, просто — пауза менеджера, думающего о расписании.

— Потому что это логично, — сказал наконец Орлов. — Либо ты исправляешься здесь, либо ты становишься полезен там.

И это было всё. Не объяснение. Не манипуляция. Просто калькуляция, оставленная в воздухе.

Орлов положил чёрную карточку на стол, рядом с компьютером Лекса.

— Коррекция класса В. Мягко. К вечеру пятницы ты будешь улыбаться — и тебе будет казаться, что так и должно быть. Потому что ты уже не будешь помнить, как было до.

Он вышел медленно, как человек, который сказал то, что нужно было сказать, и теперь может забыть это.

В коридоре Орлов остановился у служебной панели.

Кремниевая няня уже предлагала ему стандартный отчёт: *«Субъект Морозов А.С. демонстрирует деструктивный паттерн. Рекомендация: немедленная коррекция класса В.»*

Орлов изменил только одно поле.

Рекомендация: перевод на объект Либерея. Наблюдать.

Палец завис над подтверждением на секунду дольше, чем требовал интерфейс. Потом нажал.

Не из милосердия. Милосердие плохо масштабировалось и выглядело в отчётах как слабость. Из интереса. Из расчёта. И, возможно, из того смутного раздражения, которое испытывает архитектор, когда в его идеальном здании наконец появляется трещина, а он вдруг ловит себя на мысли, что свет через неё выглядит лучше, чем вся система освещения.

Лекс сидел перед картой, на которой не осталось ни одной красной точки.

Он протянул руку и взял чёрную карточку.

Потом прикусил внутреннюю сторону щеки. Медленно, сосредоточенно, как человек, который пытается нащупать границу между своим телом и системой. Когда вкус железа наполнил рот, он понял: ещё есть. Ещё есть что-то, что система не контролирует. Кровь. Боль, которая идёт от него, а не от алгоритма.

Внутри — там, где весь день жила тихая, злая уверенность, что он наконец-то сделал что-то настоящее — было удивительно спокойно.

Но только потому что за последние семь лет, единственное по-настоящему *его* решение, которое он когда-либо принял, — только что было перехвачено и переупаковано. Орлов пришёл. Орлов показал ту же дверь, но назвал её иначе. Орлов оставил карточку. И вот Лекс уже держит её в руке, как будто это была не подмена формулировки, а его собственная воля с самого начала.

Он выплюнул кровь в раковину и смотрел, как она закручивается в спираль, исчезая. Красное, личное, его — уходит.

Карточку он держал ещё час. Просто держал, глядя на одно слово — ЛИБЕРИЯ, — вытисненное без краски, как тайна, которую контур пока не умел читать.

На мониторе была активирована блокировка. Район 12-Б был запечатан. Все красные точки были заменены на зелёные, а те, что были серыми, теперь переливались бирюзовым — статус нормализации. У Ани Лисовой рейтинг теперь был 7,8. Выше нормы даже для скорректированных. «Счастье™» выполнило свою работу хорошо.

Лекс думал о том, что это было в последний раз. Последний раз, когда он возьмёт подкорку людей и переделает её в цифру. Последний раз, когда он будет видеть карту перед собой и знать, что одно движение его пальца — это триста жизней, которые он выбрал превратить в алгоритм.

Потому что Орлов прав. Была нарушена система. Красные точки значат, что есть ещё что-то живое. И это живое, оказывается, могло быть передано. Распространено. Размножено.

Может быть, это — вирус. Может быть, это — мутация. Может быть, это — просто люди, которые учатся быть людьми, когда их перестают учить быть машинами.

Лекс положил карточку в карман. Его нейролинк начал барахлить — сигнал нарушения, сигнал отклонения рейтинга. Имплант хотел что-то сказать ему, но он отключил звук.

Завтра будет пятница. После пятницы не будет понедельника, потому что понедельник в Москве больше не будет существовать для Лекса.

Завтра он исчезнет. Сегодня он ещё здесь.

Глава 5. Очищение профиля

«Вот так и кончится мир,

Вот так и кончится мир,

Вот так и кончится мир:

Не взрывом, но всхлипом.»

— Томас Стернз Элиот («Полые люди»)

Один день после предложения Орлова.

Утро пришло с котиком в 432 Гц, и Лекс лежал, слушая его, и думал о том, что этот котик — первое, что он услышит завтра в последний раз. Потом — ничего. На Либерии нет будильников. На Либерии вообще ничего нет, что делало бы твоё пробуждение плавным и оптимально синхронизированным с твоим нейропрофилем.

Он встал. Капсула пахла «Успехом №14». Он пил жигу из дозатора и смотрел на стену.

`[Уведомление «Счастья™»] Доброе утро, Алексей. Ваш эмоциональный индекс — 38. Внимание: критическое значение. Доступ к натуральным продуктам временно приостановлен согласно протоколу зоны риска. Доступ к паркам уровней 150+ ограничен. Рекомендован незамедлительный визит к когнитивному куратору. Вы записаны на 09:30. Счастливого дня, Алексей!`

Ниже — ещё одно уведомление, которое система явно считала менее важным, чем парки и натуральные продукты:

`[Алгоритм «Идеальное Совпадение»] Ваша совместимость с объектом Екатерина Волкова: 31%. Дальнейшее сожительство несовместимо с нормами благополучия партнёра (ур. 178). Рекомендуется немедленный разрыв. Сгенерировать прощальное сообщение в тональности «светлая грусть и взаимная благодарность»?`

Лекс выключил оба уведомления.

В 09:00 он пришёл к Краузе на полчаса раньше. Она не удивилась.

— Вы приняли решение, — сказала она. Не спрашивала.

— Да.

Она кивнула, взяла папку. Открыла её, не торопясь.

— Либерия, — сказала она ровно. — Билет куплен?

— Сегодня. Вчера вечером я пытался его купить. Но не смог нажать финальную кнопку.

— Лекс помолчал. — Последний раз я открыл вкладку ночью. Сегодня нажму.

Краузе несколько секунд смотрела на его данные. Лекс не мог видеть, что там, — только угол её лица и тонкую линию очков.

— Алексей, вы понимаете, что там нет медицины того уровня, к которому вы привыкли? Там нет ИИ-терапевта. Там нет коррекции. Там — настоящие люди в состоянии хронического стресса, которые ежедневно принимают решения без алгоритмической поддержки. Смертность первого года — около восьми процентов. — Она подняла взгляд. — Я обязана вам это сообщить.

— Я знаю.

— Вы не боитесь умереть?

— Боюсь, — сказал он. — Очень. Просто здесь страх хотя бы входит в стоимость проживания. И, кажется, с меня уже списали предоплату.

Краузе закрыла папку. Положила на стол ровно, параллельно краю.

— Тогда мне нечего вам предложить. — Она помолчала секунду. — Кроме одного.

Она открыла ящик стола и достала что-то — маленькая, тёмная коробочка без маркировки.

— Это не выдаётся официально, — сказала она. — Но у нас в отделе есть... скажем так, неофициальный протокол для таких случаев. Нейро-якорь. Крошечный имплант, который сохраняет базовые моторные и когнитивные паттерны при отключении основного импланта. Первые две недели на Либерии — самые тяжёлые. Якорь немного смягчает когнитивный шок. — Она поставила коробочку на стол между ними. — Я не знаю, правильно ли даю вам это. Но я знаю, что без него вы можете не пережить первые три дня.

Лекс смотрел на коробочку.

— Это нарушение протокола?

— Это моё профессиональное суждение о минимально необходимой поддержке. — Краузе встала, подошла к окну. — Я занимаюсь этим двадцать лет, Алексей. Я видела людей, которые уходили на Либерию и возвращались раздавленными. И видела людей, которые уходили и возвращались другими — лучше. — Она помолчала. — Вы — один из немногих, у кого это может получиться. Не потому что вы смелый. А потому что вы злой. В нужном смысле.

Лекс взял коробочку, положил в карман.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодарите. Официально этого разговора не было.

Он пошёл к матери.

Точнее — к тому, что от неё осталось. Мать умерла семь лет назад — за год до того, как Лекс начал работать в «Счастье™». Её похоронили по стандартному протоколу: кремация, цифровой мемориал, голографическое изображение в хранилище памяти «Навсегда™».

Мемориальный центр был на 60-м уровне — чистый, тихий, с вечным журчанием воды и запахом «Теплоты Воспоминания №3». Лекс нашёл её ячейку и активировал голограмму.

Мать улыбалась. Она всегда улыбалась в этой голограмме — разработчики сканировали фотографии, и фотографии всегда выбирались «позитивно валидированные», то есть те, где люди улыбались. Её улыбка была точной копией одной из тех, что делали на семейных праздниках, — немного натянутой, немного усталой, такой, какой бывает улыбка человека, который устал, но не хочет это показывать.

Лекс стоял и смотрел на неё.

— Ты тоже всегда улыбалась, — сказал он тихо. — Даже когда не надо было.

Голограмма молчала. У «Навсегда™» была опция диалога — можно было включить языковую модель, обученную на переписке покойного, и она бы отвечала. Лекс никогда не включал. Это казалось ему последней степенью того, что происходило с Катей: взять что-то настоящее и заменить идеальной копией, которая никогда не устаёт и никогда не говорит неловких вещей.

— Я улетаю, — сказал он. — Туда, где не будет этого. — Он сделал неопределённый жест — охватывая журчание воды, запах №3, идеальный свет, улыбку, которую нельзя было застать врасплох. — Может, там ничего нет. Может, там хуже. Но там хотя бы не будут продавать пустоту как семейную память с помесечной оплатой.

Голограмма улыбалась.

— Прости, если ты думала, что я уже в порядке, — сказал он. — Я не в порядке. Но, кажется, это теперь единственная честная характеристика в моём профиле.

Он выключил ячейку и вышел.

Вечером он пришёл к Кате.

Он не знал, зачем идёт. Сообщение о разрыве уже пришло ей от алгоритма — «Совместимость 31%, рекомендуется завершение отношений» — он видел в своём интерфейсе отметку о доставке. В мире, где машины решали всё, личный визит был примерно как рукописная

жалоба в термоядерный реактор: бессмысленно, опасно, с плохой перспективой рассмотрения. Именно поэтому он и пошёл.

Катя стояла у стены. Голограммы были выключены. Воздух пах лавандой — стандартным успокоительным газом, который умный дом пускал при стрессе хозяйки, дозируя автоматически.

На тумбочке всё ещё стояла его кружка.

Домашний контур не сдавался: над ней мерцал маленький значок *«объект снижает эстетическую согласованность пространства на 3,7%. Утилизировать?»* Катя, видимо, отказывала уже много раз. Значок стал тусклым, почти обиженным. Даже бытовая автоматика на Земле умела выглядеть так, будто её не ценят.

Лекс посмотрел на кружку дольше, чем следовало. На трещину у ручки. На потемневший край. На вещь, которую нельзя было объяснить через совместимость, потому что она была просто памятью.

Её лицо, когда она увидела его, было маской ужаса.

— Приложение... — её губы дрожали. — Оно говорит, что ты...

— Оно право, Кать, — хрипло сказал Лекс. — Я улетаю.

— Куда? На переобучение? Мы можем вместе поехать на нижние уровни! Я могу взять отпуск, мы пройдем парную терапию...

— На Либерию.

Катя замерла.

Для жителя Земли «Либерия» звучала как слово из другого языка. Не страшное само по себе — просто категорически вне контекста нормальной жизни. Там режут глотки. Там нет медицины. Там нет ИИ, нет навигатора, нет рейтинга, нет никого, кто скажет тебе, что делать, когда ты не знаешь.

— Нет. — Её голос стал высоким. — Это самоубийство. Лекс, ты не выживешь там...

— Здесь я уже не живу.

Она бросилась к нему. Вцепилась в плечи обеими руками. Её пальцы побелели от усилия. Её тело давило на его — в попытке сохранить его своей близостью, своей физической силой.

— Почему?! — выдохнула она. — Почему ты не можешь просто... Я понимаю, что тебе плохо. Я вижу это. Я вижу это каждый день уже год. Но ведь есть способы — терапия, коррекция, мы вместе...

— Катя. — Лекс взял её руки в свои. Её кожа была горячей. Голос его был хриловат. — Загляни в себя. Прямо сейчас. Ты счастлива?

— Да!

— Ты счастлива, потому что сама что-то сделала? Потому что почувствовала и справилась с этим сама? Или потому что твой имплант держит твой кортизол на уровне 12 наногرامмов на миллилитр?

Она смотрела на него, и в её глазах было что-то — не злость, не непонимание, а что-то похожее на боль, которую она не успела осмыслить, потому что система всегда успевала первой. Это был момент, когда он был внутри неё, видел её полностью, и это было в некотором смысле интимно на уровне, который больше, чем плоть. Не плотское, но интимное — быть видимым в своей необработанности.

— Ты счастлива со мной? — спросил он тихо.

— Да.

— Или алгоритм говорит тебе, что ты счастлива со мной, пока ты спишь со мной в оптимальном температурном режиме?

Она зарыдала. Громко, некрасиво, навзрыд — лицо покраснело, глаза опухли, дыхание сбилось. Не кинематографично. Без подсветки. Без той одной красивой слезы, которую так любят рекламные ролики о «бережной эмоциональной поддержке». У неё отбирали человека,

которого она любила — пусть на 79%, пусть через алгоритм, пусть с ежемесячной оптимизацией привязанности, но любила.

А потом произошло то, что Лекс несколько секунд смотрел, как смотрят на аварию: не в силах отвести взгляд.

Её имплант сработал.

Тревога достигла пикового значения — и имплант ответил мгновенно. Нейро-интерфейс перехватил её боль, её страх, её аутентичность. Химический коктейль ударил в кровь. Рыдание оборвалось на высокой ноте, как обрывается нить. Её мышцы, которые ещё секунду назад вибрировали от непрерывного спазма, дрогнули один раз и расслабились. Имплант вошёл в её нейросеть — туда, где была она, её мысли, её боль — и превратил это в хлорку.

Процесс занял три секунды.

Лицо Кати дрогнуло. Её пальцы разжались. Она отступила.

Глаза ещё были красными. Мокрыми. Но рот — медленно, как механизм, набирающий ход — растянулся в улыбку. Тёплую, мягкую, корректно откалиброванную. Её кожа светлела. Её дыхание нормализовалось. «Счастье™» переделало её обратно в объект. Она стала Катей, версия 2.0.

— Прости, Лекс, — сказала она ровным голосом. — Я испытала невалидированную фрустрацию. Твой выбор — суверенное решение. — Она склонила голову. — Желаю тебе удачи.

— Катя...

— Мне уже лучше, — сказала она. — Видишь? Работает.

Лекс смотрел на неё несколько секунд.

Потом вышел.

За его спиной домашний контур снова спросил:

«[ДЕКОРАТИВНЫЙ ОБЪЕКТ С НИЗКОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ. УТИЛИЗИРОВАТЬ?]»

Катя стояла неподвижно. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным.

— Нет, — сказала она.

Потом моргнула, будто не поняла, кто ответил.

Контур послушно оставил кружку на тумбочке. Иногда сопротивление выглядит не как речь на площади, а как человек, который не выбрасывает треснувшую вещь, потому что рука помнит раньше головы.

Освобождение капсулы он провёл в 23:00.

Не потому что был готов. А потому что если откладывать до утра, то утром котик в 432 Гц скажет «доброе утро» и начнёт рекомендовать завтрак, и тогда — всё, ещё один день.

Протокол СЕН. Освобождение капсулы. Он прошёл через все экраны — их было семь — и нажал «Подтвердить» на последнем.

Процесс был не визуальным. Он был физическим.

Нейро-интерфейс начал рвать связи — одну за другой. Лекс не ожидал, что это будет больно. Он думал: файлы удалятся, как удаляются файлы, — тихо, незаметно, просто исчезнут. Вместо этого он почувствовал жгучую боль в затылке — словно кто-то вытаскивал горячие гвозди из основания черепа, словно его насиловали изнутри, электричеством вместо плоти. Социальный граф — полторы тысячи связей, каждая с весом и историей, каждая — чей-то голос, чей-то смех, чьё доверие — отсоединился одним рывком. Рабочие проекты — семь лет данных, семь лет корректировок, семь лет убитых в людях неправильных чувств — стёрлись со звуком, похожим на рыдание. Рейтинг — 38: система временно удержала его выше аварийного нуля, оформив самоизгнание как добровольный перевод с понижением социальной нагрузки. Последнее, что у него было, — обнулилось и умерло.

Мозг на несколько секунд не знал, где он.

Потом — тишина.

Не «Режим терапевтического молчания». Настоящая. Пустая. Холодная.

В голове впервые за тридцать лет не было голоса, который знал, что делать. Даже плохого голоса. Даже раздражающего. Даже того, который предлагал синтетический шоколад при признаках экзистенциальной катастрофы.

Его вырвало в раковину. Тело спорило с тем, что только что произошло, — не от боли, а от самого факта. Потом он стоял, держась за раковину, и дышал. Звонящая пустота в голове постепенно переставала быть пустотой и начинала быть тишиной.

Разница — небольшая, но принципиальная.

В два часа ночи он стоял на посадочной платформе у ржавого межпланетного челнока «Регина-7», от которого воняло мазутом и чем-то кисловатым, что, наверное, было человеческим потом нескольких поколений пассажиров. Рядом стояли ещё двенадцать человек — молчаливые, с одинаковыми затравленными лицами людей, которые только что удалили себя из реестра.

В кармане у него лежала одна вещь. Старая бумажная книга — он нашёл её в подвале жилого блока три года назад, когда искал что-то совершенно другое. Бумажная, с пожелтевшими страницами и запахом, который ни один алгоритм не смог бы классифицировать точнее, чем «старое». Он не знал, что будет делать с ней на Либереи. Но взял.

На его старый наружный терминал — кусок допотопного железа, единственное, что работало без облачной аутентификации — упало одно уведомление. Последнее. «Счастье™» толкнуло его сквозь удаляющиеся кэш-каналы с такой же нейтральной точностью, с какой выполняло любую другую задачу.

«Объекту Екатерина Волкова подобран новый партнёр — Игорь Петровский (ID 447739), согласно пересчитанному графу совместимости. Синергия: 94%. Расчётное время первой синхронизации: 14 часов. Счастье неизбежно!»

Лекс прочитал это и подумал, что 94% — это действительно лучше, чем было у них. Почти отличная оценка. Земля всегда умела ставить любви понятные баллы, чтобы никто не мучился с такими дикостями, как память, злость и «почему мне больно, если всё правильно».

И что именно эта аккуратность была страшнее крика.

Он сплюнул на стерильный пол Земли и шагнул в люк челнока.

Внутри пахло мазутом, потом и несмазанным металлом. Кресла были дешёвыми, с рваной обивкой. Рядом уже сидел мужик с огромным рюкзаком, который пах настоящим чесноком.

Настоящим. Лекс это почувствовал.

Люк закрылся.

Полёт длился три дня. Девять часов орбитальной ориентации, потом сорок восемь часов гиперпространства — субъективный миг, объективная вечность. Лекс не спал. Смотрел в окошко на черноту, которая ничего не обещала, ничего не требовала и ничего не исправляла. Редкий сервис. Оценить было негде.

Глава 6. Добро пожаловать в свободу

«Небо над портом было цвета телеэкрана, настроенного на мёртвый канал.»

— Уильям Гибсон («Нейромант»)

Либерийский гид для новичков, § 1: Посадка. Первое, что вы почувствуете — запах. Мы рекомендуем дышать ртом первые десять минут. Нет, не потому что так легче. Просто если дышать носом — некоторые падают в обморок. Это нормально. Это значит, что вы живёте.

Посадка была жёсткой. Не «нештатно-жёсткой» в смысле корпоративного инцидента — просто жёсткой, потому что «Регина-7» была рабочим транспортником, а не пассажирским лайнером с компенсаторами гравитации класса А, и никто не обещал мягкой посадки в документах, которые Лекс подписывал. Челнок трясло так, словно им играл в кости спятивший великан. Люди вжимались в кресла с разбитой обивкой. Кто-то молился. Кто-то блевал прямо в рукав.

Шлюз открылся со свистом, выплёвывая пассажиров на посадочную бетонку Либерии.

Первое, что ударило Лекса — воздух.

Он был густым, влажным и горячим. Не «повышенная влажность», как в системных предупреждениях, — а физически, телесно густой, такой, что нужно было вдохнуть с усилием, как вдыхают воду. Земной воздух пах чистотой и лавандой. Этот вонял. Ржавчиной, озоном, специями, человеческим потом, горелым пластиком откуда-то справа, и ещё чем-то — живым, органическим, без аналога в базе данных «Ароматов Успеха».

Солнце ударило по глазам — настоящее, не отфильтрованное атмосферными экранами. Жёлтое, яростное, выжигающее. Не «имитация солнечного полудня», а солнце, которое не спрашивало, удобно ли тебе сейчас смотреть в его сторону.

Лекс сошёл с трапа. Ноги на секунду подкосились после гравитационного скачка — Либерия была чуть тяжелее Земли, и это «чуть» переводилось в несколько килограммов, которые тело не ожидало. Он ждал привычного: *«Алексей, ваша вестибулярная система дестабилизирована. Рекомендуется опереться на перила. Не торопитесь. Мы здесь.»*

В голове стояла звенящая, пугающая тишина.

Не «Режим терапевтического молчания». Просто тишина. Настоящая, как провал на месте зуба — чувствуешь его отсутствие острее, чем чувствовал присутствие.

Космодром представлял собой гигантскую свалку ржавых ангаров, неоновых вывесок на шести языках, нагромождений палаток с непонятными товарами и людей — очень много людей, движущихся без предиктивной синхронизации, то есть во всех направлениях одновременно, сталкивающихся, орущих, смеющихся, торгующих.

Прямо у выхода из зоны прилёта стояли встречающие.

Один — в тяжёлом армейском экзоскелете с кастомной покраской, держал плакат с чьим-то именем и ел что-то розовое прямо с руки. Рядом — трое практически голых, с кожей, разрисованной флуоресцентной краской, которая пульсировала в такт пульсу, и от этого казалось, что они светятся изнутри.

Лекс пошёл вперёд. Без маршрута. Без красной стрелочки навигатора. Без подсказки «оптимальный путь к пункту назначения: 340 метров прямо». Ему нужно было найти рекрутинговый центр Регулятора — это было написано в бумажной инструкции, которую ему выдали ещё на Земле, — но где именно этот центр находился, бумажная инструкция, разумеется, не уточняла. «Вы найдёте», — было написано там. «Либерия небольшая».

Первый поворот он взял инстинктивно — налево, потому что налево было больше людей, а больше людей обычно означало «правильное направление». На Земле оптимальный путь всегда был путём наибольшего трафика — алгоритм строил маршруты именно так, с точностью

до метра. Через два квартала оказалось: рынок, тупик, стена, на которой кто-то прибил кривую карту города на металлическом листе. Названия улиц перекрывали друг друга, нескольких кварталов не хватало. Лекс стоял перед ней и чувствовал, как в голове несколько раз дёргается один и тот же рефлекс: *вызвать навигатор, запросить маршрут, получить стрелку*. Ничего не происходило. Рефлекс дёргался в пустоту.

Он вернулся. Попробовал спросить первого встречного — оказалось, тот говорил только на корейском и на либерийском пиджине, в котором Лекс с трудом опознал слово «регулятор» и жест в сторону чёрной башни у дальнего края площади. Этого хватило. Двигаться — и спрашивать. Не ждать, пока система скажет куда.

Это была первая практическая задача, которую он решил без алгоритма.

Она заняла двадцать минут и вышла криво. Но он её решил.

Внезапно толпа перед ним расступилась, образовав почти идеальный круг.

Двое мужчин стояли друг напротив друга. Один был огромным — под два метра ростом, в пластинчатой броне, лицо рассечено несколькими старыми шрамами, которые явно не убрали специально. Другой — тощий, как жердь, в кожаной куртке на голое тело, с равнодушным выражением человека, которому скучно.

— Ты назвал мою мать шлюхой, — спокойно сказал гигант. Голос его прокатился над площадью.

— Да, — так же спокойно, даже с оттенком академического уважения, ответил тощий. — Горячей шлюхой. Плохой поваркой. Я говорю это с большим уважением. Честно. — Он пожал плечами. — Также я упомянул, что её готовка напоминает попытку токсичного ИИ создать эмоцию через жвачку и соль.

Толпа издала странный звук — смех во время похорон, живой и мёртвый одновременно.

Огромный мужчина сделал рывок — быстро, неожиданно быстро для своих габаритов. Тощий не сдвинулся с места. В его руке откуда-то взялся короткий плазменный резак — Лекс даже не успел увидеть, откуда.

Вспышка.

Озон. Гигант заскулил. Рука упала — отрезана чисто, до локтя, с хирургической точностью. Не кровоточит, не брызжет — плазма прижгла сосуды мгновенно. Просто исчезла. Как будто никогда и не было.

Затем боль. Она пришла отдельно, как понимание. Гигант опустился на колени, не издав ни звука. Его лицо белело, становилось прозрачным. Невидящий глаз нервной системы ещё подёргивал несуществующие пальцы, как осколок памяти о конечности.

Тощий убрал резак, подошёл к быющемуся противнику и присел на корточки. Без спешки.

— Она действительно плохо готовит, бро, — сказал он.

Потом достал из кармана медицинский спрей и обильно залил культю густой, тошнотворно пахнущей пеной. Пена потемнела мгновенно, запекая рану и останавливая кровь. Гигант заскулил — тонко, совершенно не соответствуя своим габаритам.

Толпа, удовлетворённо погудев, сомкнулась и пошла дальше. Кому-то наступили на ногу, кто-то грязно выругался. Жизнь продолжилась.

Лекс стоял как вкопанный.

На его ботинке было маленькое чёрное пятно — прижжённое место, где капля плазмы пролетела мимо. Холодное, запечённое, мёртвое. За одиннадцать секунд человек потерял руку — потому что другой человек имел свободу её отрезать. И тут же — свободу забинтовать остаток.

Его тошнило. И одновременно — невероятно, преступно сильно — его трясло от чего-то другого. Не адреналина в чистом виде. Что-то острее. Что-то, чего он не испытывал с тех пор,

как в тридцать два года нейро-имплант наконец-то победил его последнее устойчивое чувство тревоги.

Что-то похожее на присутствие. На то, что он здесь, прямо сейчас, в этой конкретной секунде.

— Новичок?

К нему подошёл мальчишка лет десяти — небольшой, шустрый, в куртке с оторванным рукавом. Его левый глаз был кибернетическим — медленно вращался, фокусируясь и расфокусируясь на лице Лекса с механической точностью.

— Да, — хрипло сказал Лекс.

— С Земли. — Это был не вопрос. — Воняешь ихним мылом. — Мальчишка оскалился; у него не хватало трёх зубов, и это почему-то делало его улыбку одной из самых честных вещей, которые Лекс видел за последние годы. — Пять кредитов, и я доведу тебя куда скажешь, пока тебя не порезали за красивые глаза.

— У меня нет кредитов. Счёт аннулирован.

Мальчик сплюнул под ноги — не от злости, скорее как знак препинания.

— Тогда добро пожаловать на дно, мясо. — Он кивнул в сторону огромной башни из чёрного металла, уходящей вглубь скалы у дальнего края площади. — Вон там — резиденция Регулятора. Иди туда, если хочешь, чтобы тебя оформили как раба. Хорошо кормят, безопасно, скучно. Или иди в трущобы, — он махнул в противоположную сторону, — если хочешь сдохнуть свободным.

— Что лучше? — спросил Лекс.

Мальчишка посмотрел на него с кибернетическим глазом и органическим — с равным прищуром.

— Зависит от того, кто ты, — сказал он наконец. — Если думать умеешь — к Регулятору. Там хотя бы платят.

Он отошёл — уже искал следующего новичка.

По дороге к башне Лекс шёл мимо города.

Он видел: мужчина и женщина орали друг на друга у входа в лавку — не прикрываясь, не стесняясь, без системного предупреждения «ваш эмоциональный тон нарушает нормы общественного комфорта». Просто орали, потому что были злы, и это было видно с трёх метров. Через минуту орать перестали. Женщина сказала что-то короткое. Мужчина хмыкнул. Они оба пошли внутрь лавки.

Он видел: двое детей дрались из-за чего-то, Лекс не успел рассмотреть — кажется, кусок металлолома. Дрались по-настоящему, с синяками и грязью, и никто из взрослых вокруг не бежал их разнимать. Один ребёнок победил. Второй поднялся, вытер нос рукавом и пожал победителю руку. Победитель отдал ему половину металлолома.

Он видел маленькую бабушку — настоящую, морщинистую, такую старую, какими бывают люди без плановых омолаживающих протоколов. Она сидела на ящике посреди оживлённой улицы и ела что-то руками из миски, совершенно не интересуясь происходящим вокруг.

Рядом с ней на другом ящике сидел человек. Маленький, лысый, с белой бородой, в одежде, которая была лохмотьями только потому что никто не потрудился её починить. Что-то жевал. Смотрел на Лекса с кибернетическим спокойствием человека, который видел много новичков.

— Стой, — сказал он.

Лекс остановился. Не потому что привык выполнять команды — просто интонация была такой, что хотелось остановиться.

— Ты куда? — спросил человек.

— К Регулятору.

— Зачем?

— Работа. Специалист по диалоговому взаимодействию.

Человек пожевал что-то и кивнул — медленно, будто переваривал не только еду, но и информацию.

— Тебя тошнит? — спросил он.

— Что?

— От запаха. От крови на ботинке. — Он кивнул на ботинок Лекса, который тот не успел вытереть. — Тошнит?

— Немного.

— Хорошо, — сказал человек. — Те, кого не тошнит в первый день, либо уже мёртвые внутри, либо скоро станут опасными снаружи. Тошнота — это правильная реакция. Это значит, что ты ещё жив.

Он снова занялся своей едой.

— Вы здесь живёте? — спросил Лекс.

— Двадцать лет. — Человек чуть дёрнул уголок рта. — Меня зовут Анатолий. Все называют Философ, потому что я, знаете ли, предпочитаю излагать свои соображения, помимо необходимости, даже когда никто не просит. — Он поднял глаза. — А тебя как?

— Лекс. Морозов.

— Земля?

— Да.

Философ кивнул, опять без удивления.

— Послушайте меня, Лекс-Морозов-с-Земли, если вам угодно, — сказал он, замедляя речь, как будто читал вслух из забытого манускрипта. — Ты сейчас пойдёшь к Регулятору. Там тебе дадут работу, объяснят правила, как это повелось. Это, несомненно, хорошо — правила сохраняют общество. Но потом, когда ты восстановишь силы и разберёшься, заметишь, что всё здесь держится на одном единственном правиле.

— Какое?

Философ пожевал ещё секунду.

— Не притворяйся, — сказал он. — Всё остальное — последствия.

Он кивнул в сторону башни, давая понять, что разговор окончен.

Лекс подошёл к башне.

Вблизи она была ещё более чёрной, чем казалась издали, — чёрной не от краски, а от самого металла, отлитого из него. Металла, который поглощал свет и не отдавал обратно. Нити — тысячи тонких нейронных нитей — уходили из её основания в почву и в небо. В небо больше. Они не светились, не пульсировали — просто висели, как волосы гигантского существа, которое спряталось под землю.

Символ контроля. Символ того, от чего он бежал.

Он остановился перед входом — тяжёлые, без декора, двери цвета той же чёрной тьмы.

— Вытри ботинок, — сказал мальчишка сзади.

Лекс обернулся — тот самый, с кибернетическим глазом, стоял в нескольких шагах с видом, будто никуда и не уходил.

— Я думал, ты ушёл.

— Я посмотреть пришёл. — Мальчишка оскалился. — Ты интересный. Большинство новичков или плачут, или кидаются на всех, или стоят и ждут, пока кто-нибудь скажет им что делать. Ты просто идёшь.

— И что это значит?

— Ничего, — пожал плечами мальчишка. — Просто интересно.

Лекс наклонился, оторвал кусок чистой ткани от своей земной белой рубашки — той самой, которую выдала система как «оптимальный выбор для транзитного пассажира» — вытер чёрное пятно плазмы с ботинка и бросил тряпку в мусор.

Первый шаг на свободу он сделал с грязными ботинками и чистой, звенящей пустотой в голове.

Двери открылись.

Глава 7. Первая ночь свободы

«Спи, город, спи! Ты страшен в этот час,

Когда в грязи твоей, как в яме нагноений,

Тьма разбудила сонм незримых преступлений...»

— Шарль Бодлер («Цветы зла»)

Либерийский гид для новичков, § 2: Первая ночь. Не ходите в Четвёртый район после заката. Если всё-таки пошли — держитесь левой стороны. Правая — там, где горят красные лампы — это Зона Ярости. Если вы не понимаете, что такое Зона Ярости, значит, вы туда не готовы. Если думаете, что готовы — вы точно не готовы.

До чёрной башни Лекс добрался только в сумерках.

Рекрутинговый центр Регулятора был заперт. На металлической двери красной краской, коряво, без выравнивания, было написано: «СМЕНА ЗАКРЫТА. ПРИХОДИ ЗАВТРА ИЛИ СДОХНИ СЕГОДНЯ».

Лекс постоял перед этой надписью и подумал, что на Земле такой текст потребовал бы от корпоративного юридического отдела двух недель согласования, четырёх версий формулировок, одобрения комитета по инклюзивным коммуникациям и, в итоге, превратился бы в «Уважаемый пользователь! Наш центр обслуживания временно недоступен. Приносим глубочайшие извинения за доставленные неудобства».

«Сдохни сегодня» было честнее.

Ночь опускалась на Либерию как тяжёлое одеяло — не мягкое, а грубое, из тех, что дают тепло, но не комфорт. Неоновые вывески разрезали мглу кроваво-красными, кислотно-зелёными, болезненно-фиолетовыми клинками. Воздух стал чуть прохладнее, но в нём примешался запах жареного мяса, дешёвого алкоголя и пыли.

Лексу некуда было идти. Никакого приложения, которое подсказало бы «оптимальное место для ночлега с учётом вашего бюджета и эмоционального профиля». Бюджета не было. Профиля не было. Не было вообще ничего, кроме старой бумажной книги в кармане и якоря от Краузе в основании черепа.

Он попробовал снять койку в первом попавшемся ночлежном блоке. Автомат у входа был сломан так давно, что кто-то успел приклеить к нему бумажку: «НЕ БЕЙ. ОН УЖЕ СДАЛСЯ». За стойкой сидела девочка лет двенадцати с электрошокером на коленях и жевала что-то серое.

— Место? — спросил Лекс.

— Есть полка у туалета. Две монеты. Если храпишь — три. Если во сне зовёшь маму — бесплатно, но все будут ржать.

Лекс не нашёл у себя двух монет. Девочка смерила его взглядом, как неисправную мебель.

— Земляные всегда думают, что бедность должна быть с интерфейсом, — сказала она и отвернулась.

Он вышел обратно. В горле стоял кислый привкус дешёвого дезинфектора и чужого сна.

Он бродил среди трущоб. Улицы здесь были узкими, переплетёнными трубами коммуникаций и натянутыми между зданиями кабелями, которые никто никогда не убирал — просто добавляли новые поверх старых, пока они не образовали что-то вроде крыши из проводов. Под этой крышей кипела жизнь.

Люди пили — не из рейтинга, а просто потому что хотели. Ругались — не превышая допустимый уровень стресса в окружающих, а просто потому что злились. Смеялись так, как смеются люди, которым не нужно сохранять лицо. В одном проёме кто-то играл на живой

гитаре — расстроенной, не впопад, абсолютно настоящей. Рядом спал человек с оружием на коленях, и никто его не трогал.

Из открытых окон текло всё сразу: пар от супа, кашель, детский плач, мат, запах мокрых тряпок, сладковатая вонь перегоревшей изоляции. Где-то над головой капала труба — не вода, скорее техническая слюна города. Капля упала Лексу на щеку. Он стёр её рукавом и впервые за день понял, что на Либереи даже грязь не спрашивает согласия.

Лекс старался не смотреть по сторонам, но краем глаза выхватывал сцены, от которых кровь бросалась в лицо. Земное пуританство — вымытое ИИ до стерильности, упакованное в «протоколы этичного взаимодействия» — здесь вывернули наизнанку. Это была не просто свобода: это была жадная, первобытная потребность в телесном, в присутствии, в другом человеке без цифровой прокладки между ними.

— Эй, Земляной.

Голос был низким, резким, с лёгкой издёвкой. Не угрожающей — просто оценивающей. Как смотрят на незнакомый предмет, пока ещё не решив, нужен ли.

Лекс резко обернулся.

Она стояла у входа в узкий переулок, прислонившись спиной к гудящему трансформатору. На её лице плясали блики неона. Кожаная куртка расстегнута. Под ней — простая майка с пятном ржавого. На скуле наливался фиолетовый синяк — свежий. На левом запястье светлый шрам, старый.

— Откуда знаешь, что я с Земли? — спросил Лекс.

Она оттолкнулась от трансформатора и медленно подошла. Кошкой. Плавно, но готова к броску. Лекс автоматически отступил, потом остановился — кто-то невидимый в голове сказал «стой, это рефлекс» — и он остался на месте.

— Ходите все одинаково. — Слова были обрывистые, как приказы. — Боитесь невидимую линию наступить. Ждёте, что голос в голове скажет куда. — Она протянула руку и, не спрашивая, провела большим пальцем по пульсирующей вене на его шее.

Лекс вздрогнул. Земляне почти не прикасались друг к другу без предварительного согласования через «Идеальное Совпадение». Касание незнакомца — это нарушение протокола. Его имплант молчал. Молчал потому что его больше не было. И по его шее, под её пальцем, текла кровь — горячая, совершенно необработанная.

Её палец прошёл ниже — вдоль его ключицы, оценивая. Не ласкаясь. Работая. Как если бы она проверяла качество ткани, прежде чем купить. Его дыхание участилось. Она чувствовала это.

— Вот так. Вот так реагирует живой человек, — прошептала она. Её палец вернулся на шею — точно туда же, где пульсировала вена. — Волна адреналина. Вены расширяются. Капилляры переполняются. На Земле это называется стресс-реакция. Здесь это называется жизнь. — Она нажала чуть сильнее, и под её пальцем его пульс участился ещё больше. — Ты не запираешься. Не включаешь защиту. Твоё тело говорит правду, которую твой мозг ещё не решился.

Его глубина отозвалась. От простого прикосновения. От чистого, животного признания другого человека, который трогал его как боксер трогает противника перед боем — проверяя, где кости, где мышцы, где слабость. Не для того чтобы ударить. Для того чтобы знать.

— Пульс частит. Зрачки расширены. — Она убрала руку и чуть отступила. — Ты напуган, но тебе любопытно. Ты не бежишь от прикосновения, хотя оно тебя напрягает. Редкий случай для новенького.

— Что ты делаешь?

— Работаю. — Она достала из кармана маленькое устройство — что-то вроде старого голографического блокнота — и что-то туда занесла. — Меня зовут Мира. Администратор отеля «Полная Свобода». И у тебя нет места для ночлега.

— Откуда знаешь?

— Потому что ты торчишь под дверями Регулятора после заката. Только конченные идиоты или новенькие бродят по Четвёртому Району в темноте. Ты не похож на идиота. Хотя лицо у тебя ещё не проснулось. Слишком гладкое. Идём. У меня есть комната.

— И сколько это будет стоить?

Мира расхохоталась. Громко, запрокинув голову, — без кокетства и без расчёта, просто смех.

— О, Земляной... Ничего не стоит так дорого, как бесплатная комната в отеле на Либереии. Идём. Считай это благотворительностью.

Отель «Полная Свобода» располагался в трёх кварталах от башни Регулятора, в здании, которое, судя по архитектуре, когда-то было складом. Мерцающая вывеска над входом полиберийски не врала: здесь было именно это — полная свобода, без лишних удобств.

Лекс получил комнату. Двадцать квадратных метров — в два раза больше, чем его капсула 4×4, и это без учёта того, что здесь были настоящая кровать, окно и дверь с замком, который можно было не закрывать на ключ, если хотел.

Он не успел даже оглядеться.

Дверь распахнулась без стука.

В комнату ввалился мужчина. Лет сорока, широкоплечий, с дробовиком, который он держал стволом вниз — не угрожая, а просто как предмет обихода. На лице — выражение человека, решившего что-то важное.

— Право на отсрочку, — объявил он.

Лекс смотрел на него.

— Прости?

— Право. На. Отсрочку. — Мужчина поставил дробовик у стены, стянул куртку, бросил на пол. — У меня жена на нервах. Четыре часа. Потом уйду. Здесь больше делить нечего, кроме кровати. Кровать большая?

Лекс посмотрел на кровать. Кровать была одинарная.

— Достаточно большая для одного человека.

— Значит, для двоих тесновато, — кивнул мужчина. — Справимся. Меня зовут Рустам. Не бойся, я храплю, но не кусаюсь. — Он лёг поверх одеяла, закинул руки за голову и через тридцать секунд засопел.

В дверях появилась Мира. Прислонилась к косяку с видом человека, для которого это совершенно нормально.

— Право на отсрочку, — объяснила она. — Либереийская традиция. Если тебе нужно уйти из дома, но некуда — имеешь право занять чужое пространство до восьми часов, при условии что предупредил хозяина. Хозяин имеет право отказать. Но Рустам знает, что я не откажу — у него жена действительно на нервах, я слышала через стену.

— И это... нормально?

— Нормально — это земное слово. — Она вошла, закрыла дверь. — Здесь это честно. Он сказал правду. Он ушёл из дома, потому что не хотел сделать глупость — не из трусости. Мы это уважаем.

Лекс смотрел на спящего Рустама, потом на Миру.

— Ты всегда так —ходишь к людям в комнату без предупреждения?

— Я администратор. — Она развела руками. — Мне положено.

Она вытащила из кармана фляжку, отпила сама и протянула ему. Лекс взял. Горлышко было тёплым от её губ. Он сделал глоток — жидкость обожгла горло, выбила слёзы из глаз. Чистый, злющий спирт без ванилинового послевкуся.

— Спасибо, — прохрипел он.

— Добро пожаловать, Земляной. Это тебе не витаминный коктейль «Рассвет».

Они помолчали. Рустам храпел равномерно и уверенно. За окном Либерея продолжала жить своей ночной жизнью — где-то кричали, где-то пели, где-то что-то падало с металлическим звуком.

— Зачем ты меня привела? — спросил Лекс. — По-настоящему.

Мира посмотрела на него. В полумраке её глаза казались тёмными.

— На Либереи есть такое понятие — режим открытости. Это не про деньги и не про физическое соединение, хотя новички часто путают. — Она убрала фляжку. — Это про то, что ты разрешаешь другому человеку видеть, как ты реагируешь. На страх. На боль. На прикосновение. На вон ту лужу за окном. Ты — первый землянин за эти месяцы, которого я встретила и не захотела немедленно выгнать.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Она подалась вперёд — вторгаясь в его пространство, как делала уже дважды сегодня, как будто проверяла, где граница и куда он отодвигает её каждый раз.

— Земля мертва, — тихо сказала она. — Там нет людей. Есть алгоритмы из мяса. Вы забыли, как болит сердце, когда тебя бросают. Вы забыли, как выглядит человек, которому по-настоящему страшно. — Пауза. — На Либереи мы собираем обломки человечества. И я хочу знать: остался ли в тебе хоть кусок, Лекс?

Он хотел отстраниться. Мышечная память говорила: это стрессовая ситуация, выйди из контакта, дистанцируйся, подожди сигнала от импланта. Имплант молчал. Был только он, она, и горящая под языком горечь спирта.

Вместо того чтобы отшатнуться, Лекс подался вперёд. И поцеловал её.

Это было неловко. Их зубы столкнулись — почти больно, металлический звук в черепе. Никто не считал ритм, никакой системы «оптимальная позиция для максимального окситоцинового отклика». Это было грубо и неуклюже и совершенно не оптимизировано. Его язык наткнулся на её язык без синхронизации, без плана. Вкус спирта, табака, чего-то острого, что на Земле не было даже названия. Волна прошла через его тело — неконтролируемая, неожиданная, сырая.

Она сжала его лицо ладонями, почти грубо, запрокидывая его голову назад. Не для красоты. Взяла, как берут вещь, которая тебе нужна. Её губы были твёрдыми, требующими, не ищущими согласия — они давили, вторгались, требовали ответа. Его шея напряглась от противодействия, но он не отпустил. Не хотел отпускать. Потому что впервые в жизни его целовали не оптимально, не рассчитанно, а так, как целуют человека, которого хотят именно таким, какой он есть: грязным, в чужой одежде, в страхе.

Она потянула его вверх, и они откатились назад. Импульс был мощный. Его спину прижало к стене. Боль пронзила лопатки — вышибающая, подлинная боль, не смягчённая, не обработанная. И это действовало на него глубоко. Это было острым и живым. Здесь боль значила, что ты живой, что ты реален, что происходит что-то, а не просто воспроизводится алгоритм.

Она отделилась от него, и его губы остались влажными, почти опухшими. Её дыхание было сбитым, неритмичным, глаза горели.

Мира свернулась рядом с ним на спину, не касаясь, но близко — так, что он чувствовал её тепло. Её пальцы нашли его руку в полумраке, переплелись с его пальцами без нежности, почти собственнически, как если бы она что-то захватила и не собиралась отпускать.

Лекс лежал, слушая биение её сердца — оно сбивалось с его собственным, не совпадало, спорило, было рядом.

Рустам на кровати перевернулся на другой бок и что-то пробурчал во сне.

— Ложись спать, Земляной, — Мира бросила ему старое колючее одеяло. — Завтра тебе в Регулятор. Посмотрим, что от тебя останется, когда начнёшь там работать.

Он уже почти спал, когда услышал — она встала. Тихо, как человек, который знает каждую скрипящую доску. Подошла к окну. Стала там, несмотря на улицу — смотря выше. Туда, где через облака Георгия иногда пробивались звёзды.

Лекс видел её силуэт в неоновом свете улицы. Стояла долго — несмотря на город, а поверх него. На небо, где нет ничего оптимального.

Потом вернулась, не сказав ничего.

Лекс не спросил, что она там искала. Но запомнил: у Миры было небо. И небо её занимало больше, чем земля под ногами.

Утром Рустам ушёл — молча, забрал дробовик и куртку, кивнул Лексу с видом человека, который вернёт долг при случае. Может, вернёт. Может, нет. Это тоже была Либереия.

Лекс лежал и слушал город.

Снизу доносились голоса — кто-то ругался, кто-то смеялся, потом стало тихо, потом кто-то запел что-то без слов. Потолок был бетонным, с пятнами влаги в трёх местах. Окно смотрело в стену соседнего здания — серую, с граффити, которые Лекс не успел прочитать вчера в темноте: «ЗДЕСЬ НЕТ ЭКСПЕРТОВ ПО ТВОЕЙ ЖИЗНИ КРОМЕ ТЕБЯ».

Он впервые за тридцать лет проснулся без голоса, который знал, что ему делать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.